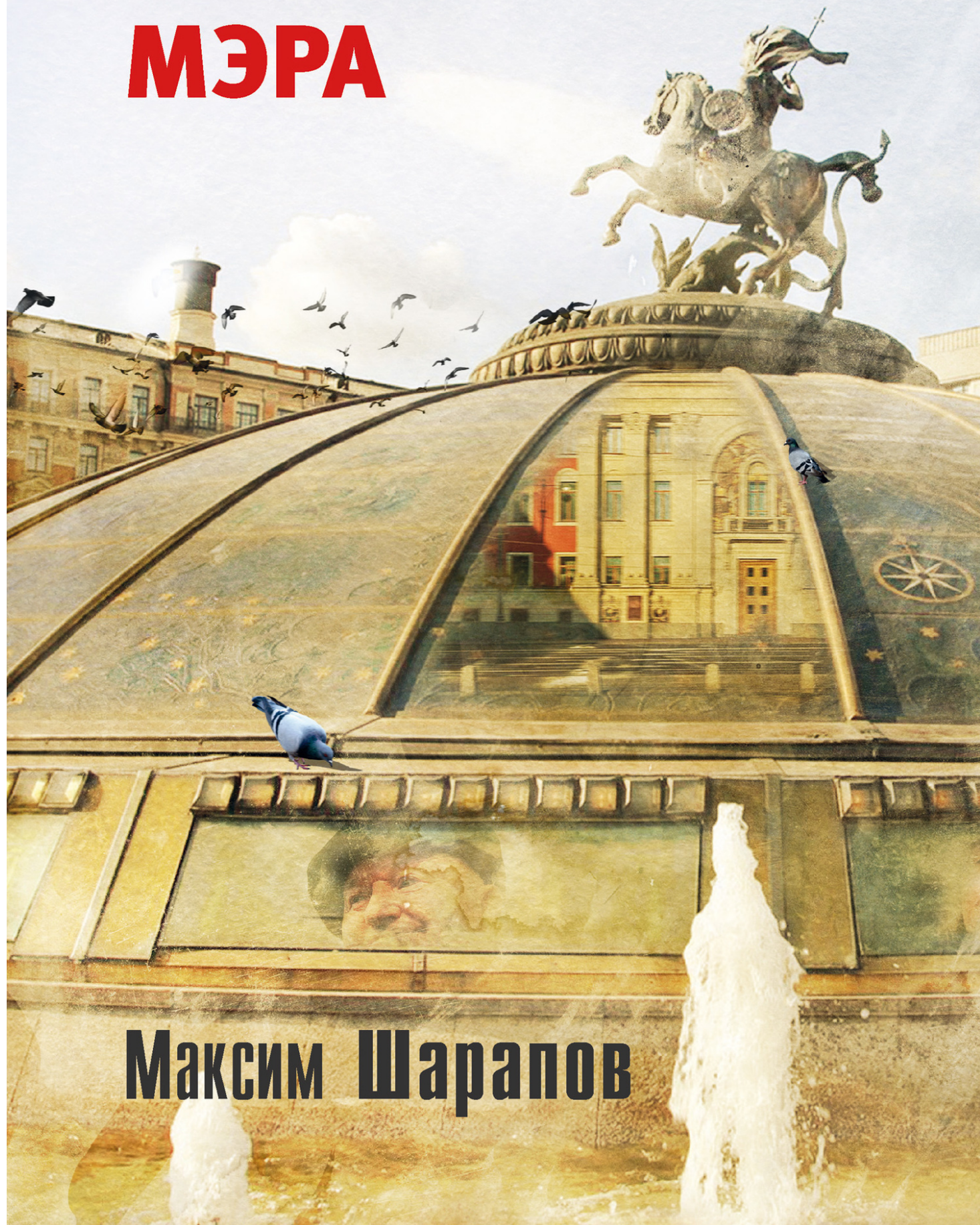

В ТЕНИ МОСКОВСКОГО МЭРА

Максим Шарапов

Максим Шарапов

В тени московского мэра

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Шарапов М. Э.

В тени московского мэра / М. Э. Шарапов — «У Никитских
ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-742-4

Мэрия на Тверской 13, Красный дом, как называли между собой этот центр московской власти его обитатели, на многие годы стал для них почти родным домом. Объединенные случаем и временем в одну компанию, они не только работали рядом с московской властью, но и развлекались, выпивали в тайне от начальства, дрались, занимались любовью, попадали в удивительные истории, проще говоря, жили на фоне Лужкова... События этой книги реальны, а впечатления абсолютно субъективны. Всё описанное происходило с середины девяностых годов прошлого века до конца первого десятилетия двадцать первого столетия, но идеальная хронология не соблюдается. Некоторые имена непубличных героев изменены, чтобы не навредить их карьере и личной жизни.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00095-742-4

© Шарапов М. Э., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

От автора	5
Как обменять Лужкова на коньяк	6
Правительственная подкова	9
Наблюдая за мэром	10
Минский синдром	14
Торговля в убыток	17
Привидения Красного дома	20
Кабинетная жизнь	26
«Мебель» для пресс-конференций	30
Скрытые таланты	33
Время «Ч»	36
Креатив	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Шарапов

В тени московского мэра

*С признательностью моей жене Ольге за наблюдения, которые
тоже стали частью этой книги*

От автора

Как бы ни относиться к личности Лужкова, невозможно отрицать, что его правление стало для Москвы целой эпохой. На посту столичного градоначальника Юрий Михайлович провел восемнадцать лет, и только трое из его предшественников за всю, почти тысячелетнюю, историю Москвы руководили городом дольше.

При Лужкове Москва стала другой. Изменились не только дома, витрины магазинов, вокзалы и автомобили, но и чиновники, отношения между людьми, сами москвичи. В этом водовороте времени и событий жили и менялись вместе со всем городом и молодые журналисты, работавшие рядом с мэром. Они впитывали в себя дух эпохи и подмечали детали, которые ускользали от важных людей, занятых большими делами.

Мэрия на Тверской 13, Красный дом, как называли между собой этот центр московской власти его обитатели, на многие годы стал для них почти родным домом. Объединенные случаем и временем в одну компанию, они не только работали рядом с московской властью, но и развлекались, устраивали вечеринки, выясняли отношения, любили, попадали в удивительные истории... проще говоря, жили в тени московского мэра.

События этой книги реальны, а впечатления и выводы абсолютно субъективны и не претендуют на историческую истину. Все описанное происходило с середины девяностых годов прошлого века до конца первого десятилетия двадцать первого столетия, но идеальная хронология не соблюдается. Имена и описания некоторых непубличных героев изменены, чтобы не навредить их карьере и личной жизни.

Автор никого не хотел обидеть. Он просто постарался передать через личное восприятие атмосферу судьбоносного времени на рубеже веков и эпох.

Как обменять Лужкова на коньяк

Когда Аркадий, корреспондент одного из российских информационных агентств, впервые попал в пресс-службу московского мэра, на него почти не обратили внимания. В знаменитом здании на Тверской 13, в самой большой и, как потом выяснилось, самой шумной 801-й комнате пресс-службы, ее старожилы увлеченно обсуждали историю, произошедшую с одним из них накануне. Историю эту, главный герой которой присутствовал здесь же, смаковали уже не по первому кругу – каждый хотел вставить свои детали, перебивая других и повторяясь, поэтому через некоторое время и у Аркадия, человека совсем постороннего, она выстроилась очень подробно. Усевшись на свободном стуле, Аркадий вслушивался в голоса рассказчиков и только минут через десять понял, почему обсуждение было таким веселым и эмоциональным: одна из двух бутылок коньяка, обменянных вчера на фотографии Лужкова, уже валялась пустая в мусорной корзине, а вторая, еще не допитая, пряталась за одним из мониторов.

– Да, Леха, умеешь ты все это обставить. И вид у тебя такой серьезный! – восхищался один из коллег.

Леха, фотограф мэра и владелец коньяка, довольно улыбаясь, поскольку любил снисходительно угощать на халяву добытым, сооружал очередной бутерброд с колбасой и сыром.

– Представляете, – рассказывал кто-то, – приходит вчера этот издатель и говорит сходу нашему-то Лехе: «Здравствуйте, вы ведь фотограф?»

– Ну, я...

– Мне сказали, у вас можно взять фотографии Юрия Михайловича для нашей газеты. Мне нужно три штуки: один портрет, там, где он на стройке, и там, где ленточку красную перерезает.

– Простите, а вы, собственно, кто?

– Я? Ах, я... Я Кр...в, издатель и главный редактор еженедельника... – он произнес название. – Мы очень много и правильно пишем о городских проблемах.

Издатель уже начинал невольно оправдываться.

– А кто вам сказал, что у меня есть фото Юрия Михайловича?

– Начальник ваш, Михаил Юрьевич, заместитель руководителя пресс-службы.

– У меня начальников много, – вздохнул Алексей. – Пленки есть, конечно, но их искать надо, печатать...

Цифровых технологий в то время еще не было.

– Так напечатать несложно. Я знаю, у вас и техника специальная для этого есть этажом ниже, мне Михаил Юрьевич сказал, – победно заулыбался наивный проситель.

– Да, есть техника. Только вот фотобумага кончилась, как раз вчера заказали. Вот сидим, ждем, – и короткие упитанные пальцы фотовластелина развернули хрустящую обертку шоколадной конфеты с орехом на вершине.

– Как же так? У вас тут, – издатель широко развел руки, – и бумаги нет?

– Заказали уже. Сидим, ждем. Вы приходите через недельку, дней может через десять, должны все привезти, – примирительно сказал фотограф, разжевывая конфету.

– Издеваетесь вы что ли!? – гость явно занервничал. – Мне сегодня нужно! В крайнем случае – завтра утром! И Михаил Юрьевич сказал, что все будет в порядке...

– Поймите, я бы с удовольствием, но нет бумаги. Что же я могу поделать? Хотите – съездите в магазин, купите бумагу, привезите, и я сразу сделаю, – говорил, правдиво расширив глаза на большом обаятельном, слегка бородатом лице, фотограф. – Только бумага нужна особая. Я вам сейчас и артикул напишу. У нас же техника, сами понимаете, непростая, любая не подойдет.

– Ну, знаете! Я сейчас пойду к Михаилу Юрьевичу, и, думаю, мы быстро все вопросы решим!

– Конечно, решите, только бумаги все равно нет...

Издатель выскочил из комнаты, почти пробежал несколько метров до соседней двери и ворвался в приемную заместителя руководителя, обещавшего фотографии.

– Девушка! – обратился он к секретарше, – вас ведь Лена зовут?

– Лена.

– Леночка, я только что был у Михаила Юрьевича, мне нужно ему еще пару слов сказать. Я зайду?

– А вы знаете, Михаил Юрьевич уже уехал.

– Как уехал? А когда будет?

– Теперь только в понедельник.

– Как же так? Сегодня ведь только среда!?

– Ну и что. Сегодня вечером у него важное совещание, у самого, – она подняла глаза к люстре, хотя кабинет мэра был этажом ниже, – ну вы понимаете, а завтра утром он улетает в командировку и вернется только в пятницу поздно вечером. Так что заходите в понедельник.

– Что же делать? – заметался в приемной издатель, – а на мобильный ему позвонить можно?

– Можно, только он же отключен. Совещание...

В это время сокабинетники фотографа засомневались в надежности его позиций.

– Леха, сейчас ведь скандал может быть.

– Не-е, сейчас не может, – Леха развалил в кресле свое большое уютное тело, – мне Ленка сказала, что он сегодня на охоту едет, сезон же открылся. Его и в мэрии уже нет.

– А-ха-ха!

Дверь в комнату приоткрылась, издатель вернулся. Смех перешел в кашель и другие нечленораздельные звуки, и пресс-службисты изобразили на лицах мысль, а в руках деятельность: перебирали бумаги, переставляли клавиатуру, перелистывали настольный календарь.

– Вы знаете, Михаил Юрьевич на совещание уехал, – сказал несколько просевший редактор.

– Ну, это естественно, он же начальник, – подтвердил фотограф.

– Да, конечно. А как же все-таки с фотографиями? Может быть, есть какой-нибудь выход? Надо-то всего пару листов этой бумаги... может, поискать где-нибудь...

– Да бумага-то есть...

Издатель почти подпрыгнул на месте.

– Так что же вы мне тут, вашу...

– ...только это неприкосновенный запас для мэра. Вдруг ему срочно фотографии понадобятся для государственной важности дел, а я этот резерв на вас потрачу. Мне потом что, вешаться идти!?

Газетчик опять сник.

– Но мне-то всего три фотографии...

– А погода какая промозглая сегодня, коньячку бы сейчас, – сказал тут совсем вроде бы нехстати один из коллег иезуитского фотографа.

– Действительно, неплохо бы, – подхватил и другой.

– А-а! – издатель ухватился за неожиданную подсказку, – действительно мерзко на улице. А я могу и сходить, – посмотрел он вопросительно на фотографа, – только и с фотографиями как бы уж решить...

– Вы понимаете, на что вы меня толкаете!? Понимаете, что это за бумага! Я очень рискую! Но вам ведь правда срочно нужно?

– Срочно, очень срочно!

– И Михаил Юрьевич, говорите, просил...
Вторая бутылка коньяка звякнула, встретившись с первой.

* * *

– Добрый вечер! Пожалуйста, меню.
Аркадий вздрогнул, не заметив подошедшего официанта.
– Да, спасибо! Здравствуйте, – Аркадий потянулся к меню.
– Извините, а может быть, вам удобнее будет за одним из небольших столиков? – официант жестом показал на свободные еще столы в уютном интерьере маленького московского кафе, спрятавшегося в одном из переулков рядом с Тверской улицей, – просто этот стол у нас рассчитан на большие компании.
– Большая компания как раз соберется минут через тридцать, мы вам еще надоедим, – пообещал Аркадий. – А пока принесите мне кружку пива.
– Понятно, хорошо, – официант улыбнулся и отошел.

Правительственная подкова

С пресс-службой Лужкова Аркадий познакомился раньше, чем увидел вживую самого мэра: первое время начальство посылало еще неопытного журналиста только на второстепенные мероприятия. Большое доверие (а в конце 90-х годов двадцатого века Юрий Михайлович был одним из самых влиятельных политиков в стране и реально претендовал на президентский пост) было оказано Аркадию только через несколько месяцев работы при мэрии. Первый раз он увидел Лужкова на заседании городского правительства в Красном доме. Количество мест в зале было ограничено, и Леонид, начальник Аркадия, провел начинающего журналиста почти подпольно.

Заседание еще не началось. Вокруг Аркадия незнакомые ему люди здоровались, обнимались, что-то говорили друг другу, смеялись. Шеф шептал Аркадию какие-то мудрые указания, которые он тут же забывал.

– Пожалуйста, занимайте свои места! Заседание сейчас начнется, – могучих форм начальница службы протокола подала сигнал к появлению Лужкова.

Люди стали затихать. Члены правительства рассаживались за большой стол в форме подковы, а все остальные – городские депутаты, чиновники помельче, приглашенные эксперты, журналисты, всего человек шестьдесят – на установленные перед подковой ряды стульев. Прошла еще пара минут, открылась боковая дверь рядом с вершиной подковы, и в зал вышел невысокий, полноватый, почти лысый человек. Прошагав несколько метров «уточкой», в раскачку, сел на свое кресло в центре стола. Телохранитель осмотрел успокоившийся зал и закрыл за собой потайную дверь.

– Так, начинаем работать. Сегодня в повестке у нас два вопроса. Возражения по повестке есть? Нет. Пожалуйста, по первому вопросу докладывает...

Потом Аркадий был на таких заседаниях сотни раз. Появился новый зал, более просторный и роскошный, куда перестали пускать пишущих журналистов, организовав для них прямую трансляцию в соседнем помещении, менялись министры и депутаты, но особая «лужковская», чуть театральная атмосфера этих мероприятий осталась прежней.

Первые полгода своей работы в лужковском пуле Аркадий целиком находился под обаянием этого человека и верил каждому его слову, когда тот смело критиковал олигархов, тянувших деньги из страны, хотел навести порядок с нелегальной миграцией, убеждал в необходимости сохранения исторического облика старой Москвы, призывал вернуть Крым и поддерживал Черноморский флот... Постепенно романтическое впечатление от Лужкова-мэра стиралось, но, как ни странно, обаяние Лужкова-человека, замешанное на его улыбке, его энергетике, его искренне влажных глазах, когда он говорил, например, об Отечественной войне, почти не теряло своей силы.

* * *

– Ваше пиво, – официант поставил на стол стеклянную кружку с эмблемой чешского пивоваренного завода.

– Спасибо, – кивнул Аркадий и сделал несколько больших глотков.

Наблюдая за мэром

В первое время территориальная близость к известному, обладающему огромной властью человеку всегда сковывает, даже если тот, в свою очередь, тебя и не замечает. Невольно начинаешь как-то по-другому двигаться, меняются интонации. Но чем чаще попадаешь в ситуации, когда Лужков в десяти метрах от тебя улыбочиво разговаривает с князем Монако Альбером, целует при встрече руку патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, дружественно хлопает по плечу федерального министра, тем быстрее подобная обстановка становится обыденной, лицо твое проще, а жесты естественнее. Обретенное через эту привычку спокойствие помогает лучше работать и внимательнее наблюдать за человеком, который еще совсем недавно казался только телевизионным персонажем.

Аркадий помнил, как ему было интересно впервые увидеть принца – настоящего европейского принца из многовековой династии. Сам над собой смеялся в душе: ну что тебе дался этот принц, что особенного ты хочешь в нем разглядеть? Но это было какое-то подсознательное желание. Так, наверное, рабочие, врываясь во дворцы знати во время революций, хотят поддеть на штык какого-нибудь зазевавшегося дворянчика, чтобы убедиться, что кровь у него тоже красная, что ему так же больно, как и тебе. Аркадий не был таким кровожадным, но психологическое препарирование было ему любопытно. Правда, острота ощущений быстро прошла после того, как он рассмотрел в мэрии короля Испании Хуана Карлоса, принца Майкла Кентского и других особ из царствующих семей. Они держались протокольно, а выглядели совершенно обыкновенно: дядьки как дядьки, ничего особенного.

Интереснее было наблюдать за самим Лужковым, который чувствовал себя в Красном доме полноправным хозяином и позволял себе иногда расслабиться. Принимая делегацию за длинным столом в Белом или Красном зале, он мог удобно устроиться в кресле, расстегнуть пиджак, сложить руки на животе, а ноги поставить на резные ножки стола и постукивать ботинками в такт разговора – как музыкант, нажимающий на педали своего рояля.

Когда мэр был в хорошем настроении, то прямо во время переговоров мог вскочить, подойти к большой карте, висевшей на одной из стен Белого зала, и показывать гостям «свою» Москву. Потом, вернувшись на место и потерев нос указательным пальцем, вынимал из кармана лазерную указку и красная точка прыгала по карте, подтверждая рассказ Лужкова. Юрий Михайлович любил потереть пальцем крупный нос или помять мочку уха, но, наверное, уже не замечал этих привычек.

Через полгода работы Аркадий заметил и «хитрый бокал» мэра, о котором знали только «свои». Когда официальная встреча в мэрии завершалась подписанием какого-нибудь документа, после нее по протоколу полагался обмен подарками и традиционное шампанское. По знаку открывались высокие двери, и в зале появлялись официанты (белый верх, черный низ), которые вносили подносы с игристым вином. Подносов было много, фужеров еще больше – все на вид одинаковые, но Юрий Михайлович всегда безошибочно выбирал один. Специально обученный официант подавал мэру поднос, на котором с краю стоял бокал с водой, выделявшийся только бесцветностью напитка: к этому времени Лужков уже давно не употреблял спиртного.

Но далеко не всегда за Юрием Михайловичем можно было наблюдать безнаказанно: попытка рассмотреть Лужкова со спины в объектив всегда нарывалась на силовой отпор. Охранники и сотрудники пресс-службы имели строгое указание: не позволять фото и видеосъемку мэра сзади. Часто на каком-нибудь мероприятии фотограф или телеоператор пытался взять ракурс событий таким образом, что Лужков попадал в кадр немного со спины. Но как только он приближался к запретной черте – к нему тут же подсакивали и оттаскивали в сторону.

– Да в чем дело?! – удивлялся слегка помятый фотограф.

– Со спины не снимать! – угрожающе шептали ему в ухо.

– А что такого?

– Не снимать и все!

Знающие этот фокус журналисты смеялись, когда кто-то начинал «прицеливаться» в сторону лужковского затылка:

– Смотри, смотри! Сейчас еще одного погонят...

Можно было подумать, что такая предосторожность вызвана мерами безопасности, но, приглядевшись внимательнее, становилось ясно, что мотивы здесь совсем другие. Снимать со спины не позволяли даже «своим» и в протокольной обстановке, когда столичному мэру совершенно ничего не угрожало. Потом Аркадию рассказали, что причиной такого приказа было недовольство Юрия Михайловича своим затылком: что-то ему в нем не нравилось, и он не хотел, чтобы его рассматривали миллионы людей. Узнав про это, Аркадий долго украдкой разглядывал затылок мэра, чтобы открыть в нем нечто «криминальное», но, как ни вглядывался, так ничего и не обнаружил: обыкновенный затылок пожилого мужчины.

Не любил Юрий Михайлович и то, когда телекамеры при съемке включали яркий свет, а фотографы брызгали фотовспышкой. И пресс-служба старалась уговорить всех не пользоваться вспышкой и подсветкой, но удавалось это не всегда.

Но не только окружающие наблюдали за Лужковым. Часто и сам градоначальник замечал такие детали, которые, казалось, должны быть ему совершенно безразличны. Однажды, когда Юрий Михайлович еще ездил на машине «Князь Владимир», его экстравагантная машина, в сопровождении джипа охраны, двигалась по Ленинградскому проспекту. Вдруг из окна идущего впереди автомобиля высунулась рука и прямо на ходу выбросила на существовавший еще в то время разделительный травяной газон пустую стеклянную бутылку. Заметив это, Лужков скомандовал охране:

– Остановите их!

Джип с мигалкой «на лбу» прижал неизвестную легковушку к обочине. Уже этот неожиданный для нарушителей экологии маневр напугал сидевшую в автомобиле компанию, но дар речи они потеряли, когда из окна поравнявшегося с ними «Князя Владимира» выглянуло легко узнаваемое лицо столичного мэра и сказала им всю правду о чистоте в городе. Юрий Михайлович умел применить крепкое словцо, в том числе и на совещаниях в мэрии, и для его окружения это не было секретом. Журналистов при этой спонтанной сцене на проспекте не присутствовало, так что Юрий Михайлович, проводивший часть детства в московском рабочем районе недалеко от Павелецкого вокзала, мог вполне доступно и убедительно объяснить распоясавшимся горожанам, что сорить – это плохо. Обалдевшим молодым людям пришлось вернуться и подобрать выброшенную бутылку, а кортеж Лужкова умчался, оставив их в полном шоке.

В другой раз Лужков навел чистоту на территории стратегического объекта – одной из водозаборных станций, снабжающих Москву питьевой водой. Человек тридцать журналистов уже больше часа ждали, когда закончится совещание и Лужков им что-нибудь расскажет. Наконец заседание завершилось, и мэр в окружении свиты появился на улице. Журналисты засуетились, стали выстраиваться в полукруг, операторы прильнули к видеоискателям своих телекамер. Лужков подошел, улыбнулся:

– Ну, какие вопросы?

Его обступили:

– Юрий Михайлович, телекомпания... – представился слегка развязный молодой корреспондент. – Скажите, пожалуйста, какие меры предпринимаются властями города, чтобы вода в Москве была чистой и безопасной?

– Прежде чем ответить на ваш вопрос, – Лужков заговорил вдруг отрывисто и жестко, – я просил бы вас поднять сигарету, которую вы, даже не затушив, только что бросили на асфальт.

– Я?

– Да, вы. Вот она еще дымится, – Лужков показал рукой на валявшийся под ногами окурок.

Корреспондент покраснел и растерялся: десять секунд назад он, увидев приближающегося мэра, действительно шелкнул «бычком» чуть ли не под ноги градоначальнику

– А какая взаимосвязь между моим вопросом и окурком? – журналисту очень не хотелось унижаться перед коллегами.

– Взаимосвязь очень простая: чистота и безопасность московской воды начинается как раз с того места, где мы с вами сейчас находимся, и это, кстати говоря, стратегический объект. Так что поднимите свой окурок, – Лужков в упор смотрел на молодого парня.

Корреспондент еще мялся, но два охранника сделали едва заметные движения в его сторону, и «бычок» был поднят и зажат в кулаке.

– А теперь я отвечу на ваш вопрос... – начал мэр.

Перед публикой Юрий Михайлович выступал часто и почти всегда без шпаргалки. Даже если у него был подготовленный спичрайтерами текст, он, как правило, отступал от заранее написанного и начинал импровизировать. Поэтому Лужков не любил, когда другие, уткнувшись глазами в бумагу, монотонно зачитывали свой доклад, а своих подчиненных нередко и прерывал, требуя говорить о проблемах, а не перечислять статистические данные.

Однажды Лужков приехал в одну из городских префектур на годовой отчет. Мэра провели в небольшой зал и усадили в президиум, перед которым была установлена трибуна. Чиновники по очереди отчитывались, а зал уже начинал скучать. Скучал в президиуме и Юрий Михайлович, когда на трибуну поднялся очередной докладчик, разложил листки и приступил к зачитыванию. Он уже минут десять произносил пустые фразы, и тут, неожиданно для всех, Лужков тихонько встал, подкрался сзади к погрузившемуся в чтение управленцу и вырвал у него из рук листок бумаги.

Все затаили дыхание, а выступавший дернулся от испуга.

– А теперь, пожалуйста, продолжайте без бумажки, – сказал Лужков.

Опешивший чиновник растерянно шарил глазами, а зал уже смеялся. Без своей шпаргалки бюрократ продержался недолго, сбивчиво сказал несколько общих фраз и был с позором отправлен с трибуны.

Но не всегда наблюдательность Юрия Михайловича была критической, и это могли оценить многие журналистки, особенно симпатичные. Лужков, встречая в мэрии какого-нибудь иностранного премьер-министра, мог поздороваться с ним и, провожая его в зал для переговоров, кинуть недвусмысленный, по-настоящему мужской взгляд в сторону девушек, каждая из которых потом присваивала его себе.

Когда иностранный гость запаздывал и Лужков был вынужден его ждать, то нередко предпочитал беседе со своим окружением разговор с журналистами и в качестве главных собеседниц выбирал самых привлекательных корреспонденток – шутил, спрашивал о жизни и был очень обаятелен.

Однажды внимательность Лужкова ощутил на себе и Сергей, коллега Аркадия по редакции.

Командировка в один из российских городов подходила к концу, чиновники – провожающие и улетающие – прощались у здания аэропорта. Правила предусматривают, что пассажир номер один, в данном случае Лужков, поднимается на борт последним, когда вся делегация уже разместилась в самолете. Но в этот раз микроавтобус с журналистами запоздал.

От аэропорта до трапа самолета по открытому пространству надо было пройти метров сто. И получилось так, что чиновники во главе с Лужковым размеренным шагом по центру, а журналисты галопом по краю бетонной полосы одновременно двинулись к самолету. Журналистов подгоняли жесты охранников мэра и доносившиеся из свиты гортанные крики его пресс-

секретаря Сергея Петровича Цоя. В результате журналисты почти бежали и уже обгоняли чиновников, когда Сергей, высокий, чуть раскоординированный парень, оступился в какую-то канаву на краю поля, упал, раскидывая в стороны свои длинные конечности, и затормозил уверенное движение всей группы к самолету. Журналисты остановились, стали поднимать коллегу, а тот, морщась от боли, держался за ушибленную коленку и едва мог ступить на поврежденную ногу. Чиновники тем временем уже почти поравнялись с прессой, а лица пресс-секретаря и охранников стали еще более выразительными.

Журналисты подхватили ушибленного товарища под руки, кто-то взял его сумку, и группа творческой интеллигенции, поддерживая скачущего на одной ноге Сергея, снова помчалась к трапу. Несмотря на все сложности, им все-таки удалось опередить важных персон и первыми подняться на борт, который через несколько минут разбежался по взлетке и взял курс на Москву.

Когда самолет набрал высоту и стюардессы повезли между рядами тележки с напитками, Сергей выпил рюмку коньяка, чтобы отвлечься от распухшей коленки и подколок своих приятелей. А через некоторое время из VIP-салона вышел Лужков и, проходя мимо, на секунду задержался у кресла неудачливого журналиста:

– Ну что, не очень болит? – мэр похлопал по плечу удивленного парня.

– Да ничего Юрий Михайлович, уже почти прошла. Спасибо! – ответил пораженный Сергей.

– Ты уж давай осторожней, не падай больше, – сказал Лужков и прошел дальше.

Такое простое внимание со стороны Лужкова, на самом деле, было не редкостью и очень располагало к нему людей.

* * *

Аркадий улыбнулся и покрутил пивную кружку на столе. Он вспомнил, как иногда, несмотря на все старания охраны и пресс-службы, Лужкову и всей делегации все-таки приходилось ждать простых смертных...

Минский синдром

Юрий Михайлович, друживший одно время с президентом Беларуси Александром Лукашенко, часто летал в Минск. Визиты, как правило, были однодневными – утром вылет в Беларусь, встреча на высшем уровне, переговоры с глазу на глаз, посещение какого-нибудь завода, обед и домой.

Во время завершения очередной командировки опытные пресс-службисты Игорь и Алексей, зная, что Юрий Михайлович и Александр Григорьевич еще перекусят перед отлетом мэра в Москву, и себя решили не обидеть. Они разместились в ресторане минского аэропорта – от самолета недалеко и коньяк приличный подают. В их распоряжении, по сведениям знакомых охранников, было еще около двух часов. На столе уже компактно разместились закуски, горячий наваристый борщ дразнил мясным запахом.

– Ну, пока там Лужок с Лукой тосты поднимают – мы тут скромно, по чуть-чуть перед отлетом, – Игорь первым поднял рюмку, и они чокнулись.

– Хорошо-о! – Алексей разжевал лимонную дольку и попробовал борща.

– А знаешь, очень вкусный борщ.

– Ну так! Братья-белорусы умеют его готовить, – Игорь почмокал, отложил свою ложку и потянулся к графинчику с коньяком...

– У нас все на борту? – спросил довольный (командировка прошла без происшествий) пресс-секретарь мэра, заглянув в салон к журналистам, – Юрий Михайлович уже в аэропорту, сейчас вылетаем домой.

– Сергей Петрович, у нас все, – ответил кто-то, – только Лисаева и Зерева нет.

– Как нет? А где они?

– Они примерно час назад отстали от нас, сказали, что пообедают где-нибудь по дороге и к отлету сами в аэропорт приедут. Вылетать ведь должны были позже.

– Мало ли что были должны! Мэр уже здесь! Он их ждать должен!? Вы что, обалдели все тут! Кто старший в группе от пресс-службы?!

– Так Зерев и старший...

– Ну все, Зереву настал... Так, давайте их срочно искать. Ты, – Сергей Петрович наугад ткнул пальцем в одного из журналистов, – беги в аэровокзал, ты, – он показал на другого, – на стоянку перед аэропортом, может быть, подъехали туда. Так, ты набери мне номер Зерева.

– Сергей Петрович, у них мобильники здесь не берут, мы уже пробовали звонить.

Мобильная связь только еще становилась общедоступной, а что такое роуминг – вообще мало кто знал.

– Сколько у нас времени? – Алексей неторопливо резал ножом кусочки сала, цеплял их вилкой, макал в горчицу и отправлял в рот.

– Почти час еще, – Игорь хрустнул редиской, попавшейся в овощном салате, – но надо пораньше пойти, а то мало ли – вдруг там планы изменились.

– Это точно. А прикинь, Лужок сейчас в самолете сидит и нас ждет, а мы тут коньяк пьем. Ха-ха!

– Ха-ха-ха! Типун тебе на язык! Ну ладно, поехали, – и они с удовольствием выпили еще по одной.

Зная привычки закадычных собутыльников, журналист, посланный Цоем на их поиски в аэровокзал, обойдя все залы, не поленился заглянуть и в местный ресторан.

– О-о-о, Денис! – обрадовались разгоряченные сотрапезники. – Ну, как там обстановка? – Алексей вытер рот салфеткой.

– Коньячку хочешь?

– Обстановка, парни, не самая простая. Похоже, что вам наступил... Все, включая Лужкова, уже минут двадцать сидят в самолете и ждут только вас. А в каком состоянии Сергей Петрович, думаю, вы сами можете до-фантазировать.

– Девушка, счет! – завопил Алексей.

– А как же горячее? – удивленно оглянулась официантка.

– Съешьте сами наше горячее, а нам просто скажите – сколько денег! Округлите грубо, иначе нас, нас...

– Кастрируют вас, – вполголоса подсказал товарищ, отыскавший любителей борща.

– Вот именно! – Алексей судорожно доставал из карманов брюк смятые купюры и бросал их на стол.

– Типун вам всем на язык! – взвизгнул Игорь.

– Достал ты уже со своим типуном! Тебе твой типун, сам знаешь, на какое место! – обозлился Алексей.

Они уже бежали вниз по лестнице.

– А сдачу!? – крикнула вслед официантка.

– А деньги им теперь уже ни к чему, – бросил через плечо их ироничный коллега.

– Сережа, что происходит? Полчаса мэр сидит в самолете, а твоих бойцов нет. Я уже не знаю, как время тянуть, иди все сам объясняй Юрию Михайловичу, – говорил в это время начальник лужковской охраны Цою.

– Да... – начал тот.

– Вон, вон они по полю бегут, – спасительно крикнул в это время кто-то, вглядываясь в иллюминатор.

– Где? – Цой хищно ринулся к иллюминатору.

– Да вон, животами трясут!

Игорь с Алексеем и правда были мужчинами сытыми.

Сергей Петрович проскочил через VIP-салон, на ходу постоянно улыбаясь Лужкову, – все, все уже на борту, Юрий Михайлович, – и выскочил на трап.

Задышающиеся от бега и нехороших предчувствий сотрудники подымались по ступенькам к ногам своего начальника.

– Так, вы еще и пили! – Сергей Петрович сам спиртных напитков почти не употреблял и чужой алкоголь чувствовал издалека.

– Мы только пообедали, Сергей Петрович...

– Так, сейчас вы проходите мимо Лужкова молча, быстро и не дыша, чтобы он, не дай бог, не почувствовал ваше амбре, а разбираться с вами я буду в Москве, – Сергей Петрович сделал страшное лицо.

Не очень умно улыбаясь большими раскрасневшимися лицами, бочком, короткими шажками, подобрав насколько возможно животы, чтобы не задеть Лужкова и его министров, провинившиеся сотрудники начали протискиваться мимо кресел. Они уже почти добрались до дверей во второй салон, когда в пакете запасливого фотографа предательски звякнуло стекло: две бутылочки терпкой белорусской «Зубровки», которые он вез в Москву на пробу. Услышав звон, оба на мгновение замерли, а потом дернулись, неожиданно ловко и быстро протиснули свои объемные тела в узкую дверь и скрылись в своем салоне.

– Молодцы, умеют отдыхать! – услышали они за спиной веселый голос Лужкова и дружный хохот его свиты, в котором особой нотой слышался и смех Сергей Петровича.

Эта фраза Лужкова, находившегося в добродушном настроении, спасла их от кровавой расправы. По возвращении в Москву они подверглись только попытке многочасовым разговором о своем недостойном поведении.

* * *

Входная дверь звякнула колокольчиком, и в кафе вошел новый посетитель: солидный мужчина средних лет, с чуть выющимися темно-русыми волосами и такой же бородой, с хорошо заметным пивным животом. Он остановился у входа и стал разглядывать столики.

Аркадий, обернувшийся на звон колокольчика, махнул рукой:

– Игорь, иди сюда!

Посетитель качнулся всем телом, сделал жест головой и руками, что означало «вот вы где, а я ишу», и, сказав подоспевшему официанту «спасибо, меня уже ждут», двинулся к большому, персон на восемь, столу.

Они обнялись:

– Ты один, что ли? Я думал, все уже здесь, – Игорь отодвинул стул и уселся рядом с Аркадием. – Есть пока не хочется, – сказал он предложившему меню официанту, – а вот что-нибудь выпить... Ты по пиву решил? – он посмотрел на полупустую кружку Аркадия, – хорошее?

– Да, вполне.

– Ну, тогда мне тоже кружечку, для начала. А меню оставьте, оно нам еще пригодится.

Из наших звонил кто-нибудь?

– Пока нет. Ты же знаешь, долго будут подтягиваться.

– Да, Леха точно опоздает.

– Ну и ладно, нам-то уже хорошо.

Официант поставил перед Игорем пиво.

– Вот сейчас будет хорошо!

Они чокнулись кружками, выпили.

– А я тут как раз сию, Леху вспоминаю. Первое впечатление от мэрии у меня (во всяком случае, от пресс-службы вашей) – это Леха, обменивавший фотки Лужкова на коньяк. Помнишь, когда издатель Кр...в приходил?

– Слушай, на моей памяти он столько раз Лужка на бутылки менял, разве все вспомнишь. Целую коллекцию можно было бы составить, если бы все не выпили!

– Да, ты прав...

– Я другое помню – когда его Цой один раз за эти фотографии чуть не уволил. Скандал был дикий, еле его тогда отмазали, я сам ходил просить за него.

– А я что-то не помню...

– Ну, здравствуйте... Лужок в то время, ну ты помнишь, – начал Игорь, – был чуть ли не самым популярным политиком в стране, без пяти минут президент...

Торговля в убыток

Когда человек начинает набирать силу, многим хочется оказаться рядом с ним, пусть даже близость эта будет виртуальной. Фотографов в пресс-службе столичного мэра было двое, и работать они старались посменно: один с утра до обеда, а другой с обеда до вечера. Чтобы никто не догадался о таком графике работы, наивные фотографы придумали целый спектакль для своих коллег. Коллеги, правда, быстро их раскусили и тихо посмеивались, но это было не так важно: главное, что начальство не догадывалось об их двухсменной деятельности.

– Ну, ладно, я поехал за бумагой, – говорил один фотограф другому на весь кабинет в разгар рабочего дня.

– Это правильно, а то бумага уже заканчивается, – отвечал другой, приехавший полчаса назад якобы из магазина, в котором покупал реактивы для проявочной машины.

Но приходить на работу только на полдня хотелось все чаще, а благовидных поводов отъехать становилось все меньше, нельзя же три раза в неделю покупать фотобумагу... И через некоторое время, чтобы уж не выглядеть совсем смешными, фотографы стали уходить молча, ни с кем не прощаясь, так, словно вышел человек в туалет на пять минут, а вернулся только на другой день.

Но это сонное безразличие моментально сменялось бурной активностью, как только на горизонте появлялся состоятельный заказчик. «Хлебное» было время, фотоаппараты в каждом телефоне еще не придумали. А популярность Лужкова росла, и сфотографироваться рядом с ним мечтали депутаты Мосгордумы, которым предстояло идти на новые выборы, но команда мэра их уже не поддерживала, бизнесмены и даже второстепенные региональные политики, не имеющие прямого выхода на столичного градоначальника. Потом счастливчик должен был появиться рядом с Юрием Михайловичем на рекламных плакатах, в газетах и журналах (фото из личного архива) и ассоциироваться с успешностью и богатством Москвы и самого Лужкова.

– Скажите, – заискивающе спрашивал добравшийся до пресс-службы соискатель фотографии, – Юрия Михайловича вы снимаете?

– Ну да, – отвечал Алексей.

– А вы не знаете, можно ли как-то с ним сфотографироваться, чтобы рядом?

Фотограф изучающе смотрел на просителя, оценивал его финансовые возможности.

– Рядом с мэром? Вокруг него охрана, вы представляете, как это сложно!? – отвечал фотограф, если клиент вызывал доверие.

– Я все понимаю, вы сделайте. Не обижу.

– Да?

После того, как договаривались о сумме, в ход запускалась простая, но почти безотказная схема. Казалось бы, как можно снять человека рядом с мэром, когда тот этого не хочет? Но фотографы доказали, что частный бизнес, то есть работа на свой карман, эффективнее государственного. Лужков, особенно в те годы, любил бывать на самых разных общественных мероприятиях – от открытия школы и запуска фонтанов после зимы до пивного фестиваля и хануки. Охрана рядом с ним была, но, конечно, не как, например, у президента, и в большой толпе, в неразберихе, когда множество людей пыталось с ним поговорить, попросить о чем-то, случайный человек вполне мог оказаться совсем рядом с мэром. На этом и строилась бизнес-модель фотографов.

Зная график Юрия Михайловича, они предлагали претенденту на фотографическую близость к мэру появиться к определенному времени в нужном месте, а затем втереться в толпу и как можно ближе подобраться к Лужкову. Все остальное было делом техники.

Открывая, например, сезон фонтанов на Поклонной горе, Лужков по обыкновению произносил речь, а потом мог прогуляться по парку, где-то останавливаясь, разговаривая с

людьми. Следовавший в шлейфе свиты заказчик во время остановки по команде фотографа должен был максимально приблизиться к мэру и улыбнуться... Если даже охрана потом оттесняла клиента, профессиональному фотографу с хорошей техникой хватало нескольких секунд, чтобы получился достойный живой кадр, на котором непосвященному избирателю или партнеру по бизнесу кажется, что Лужков и его визави – закадычные друзья. В тот же день фотографии оперативно печатались прямо в мэрии, и, что характерно, для них всегда находилась бумага.

Фотографиями Юрия Михайловича, кроме политиков и бизнесменов, интересовались и различные СМИ. Правда, в обыденных фото они не очень нуждались, для этого у них были свои фотографии, а вот за какую-нибудь редкую или архивную фотографию, да еще точно лежащую в сюжет актуальной статьи, они готовы были раскошелиться.

Отъехав в глазах общественности за фотобумагой, Леша дремал дома в кровати, и ему снился прекрасный сон, что он, оглядываясь по сторонам (хорошо, что никого нет), с восторгом поедает большой длинный сэндвич из свежего белого хлеба, с колбасой, сыром и салатом.

Последние несколько месяцев Алексей, под бдительным присмотром своей жены, старался худеть. Дома он ел только овощные салаты, кисломолочные продукты – ряженку или йогурт, но, к большому сожалению супруги, в объемах почти не уменьшался. Доев на завтрак свою миску зелени, сдобренной оливковым маслом, Леха уже представлял, как сейчас не торопясь примет душ, посмотрит немного телевизор, а потом перед работой зайдет в Елисеевский магазин, купит себе батон хлеба, докторской колбасы, обязательно в синюге, вкусного дырчатого сыра и майонеза. А потом вдалеке от заботливой супруги, за своим рабочим столом разрезает на зависть коллегам весь батон вдоль, выложит его кружками колбасы и треугольниками сыра.

В комнате зазвонил мобильник. Леха дотянулся до трубки:

– Слушаю.

Звонили из приемной Цоя. Знакомая секретарша сказала, что Сергей Петрович в бешенстве и требует срочно его найти:

– Мы сказали, ты там какую-то фототехнику выбираешь и через полчаса будешь. Давай быстрее, а то пока он тебя дожидается, мы за тебя огребать будем.

– А что случилось?

– Я не знаю точно. Цой вернулся от Лужка, и все забежали, заорали. Там в газете какие-то не те фотографии напечатали...

Алексей похолодел: «Так и знал, что попадусь с этой фоткой, черт меня дернул ее продать!» Мечта о бутерброде была испорчена.

Этим утром в одной из крупнейших деловых газет страны вышла статья о Лужкове, его политическом движении «Отечество» и соратнике по партии Александре Владиславлеве. В статье, кроме всего прочего, рассказывалось о том, что Юра и Саша не только политические единомышленники, но и закадычные друзья с детства, в доказательство чему прилагалась старая фотография, на которой стояли два подростка в кепках, обнявшись на фоне одной из московских окраин. Эта фотография была из личного архива Лужкова, для печати не предназначалась. Увидев ее в газете, мэр был возмущен и обижен. Сначала перепало пресс-секретарю, а потом начались и поиски исполнителя, слившего раритетный снимок.

К Алексею эта фотография попала случайно. По заданию начальства он делал какой-то подарочный альбом Лужкову и получил на время фотки из семейного альбома мэра, копии которых на всякий случай сохранил.

Варианта было только два: наглухо отпираться, что не сливал фотографию и ничего про это не знает, или с порога чистосердечно раскаяться, повиниться и надеяться на помилование. Просчитав по дороге оба, Алексей пришел к выводу, что отпираться в данном случае бесполезно, все нити вели к нему. Но, даже раскаиваясь, никак нельзя было признаваться, что он

подторговывает изображениями мэра. Этого точно никто бы не простил, поэтому смекалистый фотограф соорудил версию о том, что посылал он в газету совсем другие снимки, а этот добавил совершенно случайно; надо же такому случиться, что именно его мерзкие газетчики и выбрали. Версия была не очень убедительная, но ничего более надежного в голову не приходило.

После многочасового выпаривания мозгов Алексея заставили написать заявление по собственному, и он уже собирал свои личные вещи, но через несколько дней Лужков остыл, фотография-то сама по себе была хорошая, вслед за ним успокоился и пресс-секретарь, и Леху в этот раз помиловали.

* * *

Круглотелый человек со стриженной бородой и в очках подталкивал под локоть официанта:

– ...а к коньяку мне обязательно ананасовый сок и порезанный лимон. И, знаете, давайте сразу салатик – помидоры с огурцами. Есть ведь такой?

– Найдем.

– Отлично! Еще порцию свиного пашлыка. И не очень затягивайте...

Обстоятельный мужчина отпустил официанта, сделал загадочное лицо и подсел к столу.

– Вот с таким же непростым лицом он и фотки Лужка сливал, – Игорь подмигнул Аркадию и кивнул на гостя.

– Ой, ладно, Николаич, не начинай. Опять сейчас на-придумываешь чего-нибудь...

– Я придумываю!? Да кто тебя ходил к Цюю отмазывать...

Аркадий наблюдал, как встреча превращается в дружескую перепалку, которая на протяжении многих лет поддерживала интерес Игоря и Алексея друг к другу.

Алексей, несмотря на свой лишний вес, был обаятельным человеком, душой компании. Не обладая сильным голосом и хорошим слухом, он мог так искренне петь в караоке, так непринужденно двигаться, что люди вскакивали со своих мест и пускались в пляс. Долгие годы Аркадий с Алексеем вместе осваивали пространство Красного дома.

Привидения Красного дома

– А я тебя все-таки сделал! Надо за это выпить.

– Ничего ты меня не сделал! Подумаешь, гаубицу взорвал, я сейчас тебя танковым броском замочу. Вот за это и выпьем!

Чокнулись маленькими стеклянными рюмочками, выпили. Пока Алексей смаковал коньяк, Аркадий выпил свой залпом и успел схватить с тарелки последний кусок колбасы: демонстративно закусил, тщательно пережевывая и дразня своего друга, который без закуски выпивать очень не любил.

– Это тебе за гаубицу! – хохотнул Аркадий, любуясь разочарованием удачливого военного стратега.

Аркадий с Алексеем уже часа три резались на компьютерах пресс-службы в стратегию: русские и немецкие солдаты времен Великой Отечественной войны убивали друг друга на экране монитора с помощью пулеметов, танков, бомбардировщиков. Было уже восемь вечера, рабочий день закончился, мэрия затихла, и взрослые дяди с удовольствием предавались детской игре, запивая ее пятилетним коньяком, закусывая колбасой, сыром и лимончиком.

– Злодей ты!

– Да ладно, Леха, не морщись! Давай лучше допьем, на дне осталось, и я продолжу твой разгром!

– Как же! – Алексей откинулся в кресле. – Есть предложение получше. У меня внизу, в фотолаборатории, осталось еще полбутылочки коньячку, оливки. Можем сходить, все возьмем и тогда продолжим.

– Да ты спойть меня хочешь, чтобы я тебе поддался.

– Ага, споишь тебя.

Они вышли из комнаты, прошли к лифтам, спустились на четвертый этаж и оказались в старой части здания, существовавшей еще в царское время. Освещение здесь было не такое яркое, потолки ниже, а коридоры извилистее и короче. До парадной зоны, где жили и правили московские генерал-губернаторы, они не дошли, остановившись там, где ютилась когда-то генеральская прислуга. Достав из кармана брюк связку ключей, Алексей открыл одну из дверей, и они очутились в небольшой комнате, превращенной в фотолабораторию. Когда несколько лет назад Аркадий попал сюда впервые, он спросил у Алексея:

– Все понимаю, но холодильник здесь зачем?

– Как же, мы пленку здесь храним в холоде, – и действительно достал несколько коробок с фотопленкой.

С тех пор пленку давно вытеснила цифра, но холодильник остался. Открыв его, запасливый Алексей отыскал там пол-лимона, банку оливок и банку шпрот, сыр, пакет ананасового сока, а из стоящего рядом шкафа достал полбутылки коньяка. Взяв в руки напитки и закуску, они вышли, закрыли дверь и проскрипели старым, уложенным елочкой паркетом к выложенной камнем современной площадке перед лифтами.

– В такой тишине ты скрипишь, Леха, как домовый. Сейчас призрак какого-нибудь лакея разбудит, он тебе по башке и даст за то, что ты пьешь по вечерам.

– Да ладно, я от него коньяком откуплюсь!

На кнопке вызова зажглась красноватая подсветка, сигнализируя, что лифт уже приехал: дверцы открылись, внутри кабины проступила фигура «хозяина» Красного дома – управляющего делами мэра и правительства Москвы Александра Ивановича Чернышова, который командовал в мэрии всеми службами, начиная от охраны здания и заканчивая уборщиками, и славился непримиримым отношением к нарушителям порядка.

Возникло некоторое замешательство. Александр Иванович изнутри лифта смотрел на Алексея с Аркадием, застывших с красноватыми лицами, с початой бутылкой коньяка и характерной закуской в руках, а они смотрели внутрь лифта, будто действительно увидели привидение. Чувствовалось, что никто этой встречи не ожидал. Аркадию очень захотелось, чтобы лифт сейчас закрылся и увез куда-нибудь Александра Ивановича, а еще лучше, чтобы он вместе с ним провалился поглубже.

«Вот, откупайся теперь от него коньяком», – подумал Аркадий; а Алексей размышлял: «Надо же, накаркал, Аркашка». Встреча была настолько живописной, что говорить, собственно, было и нечего.

– Добрый вечер, Александр Иванович, – выдавил, наконец-то, Алексей.

– Здравствуйте! – подтвердил Аркадий, и двери лифта стали спасительно закрываться, не дождавшись новых пассажиров. Но Александр Иванович уезжать не захотел, он ткнул кнопку на панели управления – и двери снова открылись.

– Я смотрю, что вечер у вас действительно добрый. Заходите, не стесняйтесь.

Любители лимона и шпрот робко вошли в лифт, и за ними увязалось ядреное коньячное амбре.

– Мы вот, Александр Иванович, решили после работы немного отдохнуть, сами понимаете, – вкрадчиво говорил Алексей, прижимая к себе коньячную бутылку и пакет сока.

– Я понимаю, что вы и так уже нормально расслабились. Перебора не будет? – Александр Иванович странно улыбнулся.

– Что вы, мы чисто символически и сразу по домам.

– Ну-ну...

Двери лифта открылись на шестом этаже, и пассажиры разошлись в разные коридоры.

– До свидания, Александр Иванович.

– До встречи, – пообещал управделами.

Суровый, по слухам, Чернышов оказался неожиданно терпим к захмелевшим журналистам, может, просто вспомнил свою юность, но последствий этой встречи Алексей с Аркадием на себе не ощутили.

Выйдя из лифта на шестом этаже, друзья повернули направо, поднялись на несколько ступенек и пошли по коридору, где на дверях кабинетов висели номера: 801, 803, 805...

Очень часто эта странная нумерация сбивала с толку людей, впервые попавших в мэрию.

– Что за ерунда? Приехали на шестой этаж, а попали на восьмой. Где комната 636, не подскажете? – спрашивали они у проходящих мимо чиновников.

Эта «мистическая» игра цифр на самом деле была продолжением истории знаменитого здания на Тверской 13, которая началась еще в 1782 году, когда по проекту архитектора Матвея Казакова начали строить дом московских генерал-губернаторов.

Историю Красного дома хорошо знал и сам Лужков, который с удовольствием рассказывал ее высокопоставленным гостям и даже лично проводил импровизированные экскурсии. Этот рассказ повторялся много раз, и журналисты, долго работавшие с мэром, выучили его почти наизусть...

– Мы сегодня принимаем вас, уважаемый господин бургомистр, в Белом – самом торжественном – зале московской мэрии, – часто начинал Лужков, приветствуя гостя, впервые оказавшегося в Красном доме. – Этот зал помнит еще генерал-губернаторов, управлявших Москвой в царские времена.

Гости с интересом начинали смотреть по сторонам.

– Кстати, в то время именно здесь давались балы, – Юрий Михайлович поднимал голову вверх, – обратите внимание, вот на этом балкончике, сохранившемся до наших дней, играли

музыканты, а там, где мы с вами сейчас сидим, – мэр разводил руками, улыбался, – кружились пары.

От былой роскоши генерал-губернаторских покоев в современной мэрии осталось несколько залов. Попасть в них можно с разных сторон, но все самые важные делегации встречаются у первого, парадного подъезда, выходящего прямо на Тверскую улицу и закрытого в обычные дни. Огромные двухстворчатые деревянные двери впускают в узкий высокий коридор, по правой стороне которого раскрывается широкая белокаменная лестница с массивными перилами и балясинами, ведущая на второй этаж. На площадке между первым и вторым этажами есть незаметная дверь, за которой часто прятались журналисты. Выглядывая в нее, они дожидались, когда делегация спускалась по лестнице после встречи с Лужковым, и выскакивали наперехват за информацией. Побеседовав несколько минут, они, не замеченные пресс-службой и охраной, снова исчезали за дверью в скромных интерьерах крашенных стен и скрипучего паркета.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, гости попадали в просторное помещение, в котором было несколько дверей. В этой «прихожей» красовались в стеклянных шкафах самые оригинальные подарки, преподнесенные руководителям Москвы за несколько десятилетий. Здесь были бивни мамонта от благодарных жителей севера, самоцветы с Урала, модель паровоза от железнодорожников, длинный меч в отдельной витрине.

Зимний сад примыкал к «прихожей» и был современным помещением, где царила домашняя непринужденная атмосфера. Вытянутое узкое пространство заполняли большие южные растения и аквариумы с яркими рыбками, между которыми уютно вписывались кожаные диваны и кресла. На полу валялись две шкуры бурых медведей. Вдоль стен стояли модели разных кораблей, среди которых надувал паруса стеклянный парусник и «плыла» веселая подводная лодка. В этом месте Юрий Михайлович иногда беседовал в узком кругу с очень важными гостями или, расслабившись на диване, поджидал припозднившихся визитеров.

Но чаще сами делегации ждали московского мэра, появлявшегося в «прихожей» из секретной двери, за которой тайный лабиринт выводил прямо в главный кабинет здания. После встречи, рукопожатий и обмена приветствиями делегации направлялись на переговоры. Слева от парадной лестницы располагаются три зала: Белый, Синий и Красный, названные так по цвету интерьеров. Все другие оттенки только подчеркивали их доминирующий цвет. Белый зал – самый большой, там принимают многочисленные делегации, вручают премии, награждают москвичей государственными наградами. Здесь же мэр Москвы вступает в должность и произносит клятву на верность городу. Синий зал – проходной; расположен между Белым и Красным. Во времена Лужкова его меньше остальных использовали для встреч. Красный зал был самым камерным, здесь часто принимали важных гостей, в том числе и без прессы. На его стенах, задрапированных красной тканью, висели портреты генерал-губернаторов, правивших Москвой до пролетарской революции.

Из Красного зала, нырнув в неприметную дверцу и пройдя по узким коридорам, можно было попасть в еще один старинный зал, который называли Мраморным, или Каминным. Интерьер помещения из светлого камня украшал большой камин. Здесь редко проходили встречи в присутствии журналистов, чаще гостей принимали за закрытыми дверями, что было легко вычислить по охране, появлявшейся на это время у внешней двери, выводившей к лифтам третьего этажа.

Во время генерал-губернаторства глава города не только работал, но и жил в Красном доме со своей семьей и прислугой. Здание поэтому выполняло не только представительские функции, но и было просто домом для этих людей. Внутренняя кухня сохранилась и в современной мэрии. На ней доверенные повара готовили обеды для Лужкова и его ближайшего окружения и подавали в закрытой столовой. Из этой же кухни угощения на подносах приносили в парадные залы гостям мэрии, когда это предусматривал протокол.

Если располагала атмосфера и после завершения переговоров оставалось время, Лужков мог сам предложить гостям небольшую экскурсию по мэрии, маршрут которой пролегал по историческим залам. Он рассказывал про основателя Москвы Юрия Долгорукого, показывал портреты самых выдающихся, на его взгляд, генерал-губернаторов и вспоминал любопытные детали.

– А знаете, ведь здание, в котором мы находимся, имеет очень интересную историю, – продолжал Лужков. – В тридцатых годах двадцатого века этот дом «переезжал». Да, не удивляйтесь, именно «переезжал». Когда Тверскую, – он кивал за окно, – решили расширить, то выяснилось, что здание выпирает за общую линию фасадов метров на двадцать. Чтобы расширить улицу, его надо было сносить, но дом решили сохранить, передвинув его в глубь квартала. Представьте, для дома построили новый фундамент, на котором он сейчас и стоит, потом приподняли, – Лужков взмахивал рукой, как будто сам приподнимал мэрию, – и на бревнах перекатали на другое место.

Юрий Михайлович увлеченно рассказывал о спасении здания, в котором работал сам, искренне не замечая, как исчезает за окном историческая Москва.

После того, как здание мэрии было сдвинуто вглубь, сзади к нему пристроили новое. Историческая часть была ниже и значительно меньше современной. Кажущееся единым комплексом здание внутри объединяет два разных по времени архитектурных объема, которые, как артерии, соединяют запутанные коридоры, а в лабиринтах часто теряются посетители. В старой части коридоры уже, а потолки выше, в новой все наоборот. Со стороны незаметно, но на самом деле – здание на Тверской в центре полое: замкнутое каре населенных чиновниками стен окружает большой внутренний двор. Окна многих кабинетов выходят в этот дворик, где прятались от посторонних глаз правительственные авто. В центре двора летом цвела восьмигранная клумба, а зимой появлялась большая искусственная елка, радовавшая своими игрушками и гирляндами только московских чиновников.

Юрий Михайлович, перекроивший всю историческую Москву, не мог, конечно, не оставить свой след и в архитектуре Красного дома. В начале двадцать первого века по периметру мэрии надстроили еще один этаж, почти незаметный снаружи здания. Новый этаж только добавил неразберихи в коридорах московской власти. Поднимаясь на лифте со второго, служебного подъезда человек словно двигался в машине времени, потому что лифт как раз условно делил здание на царскую и советскую части. Выходя из лифта до четвертого этажа включительно, в любую сторону можно было идти по одному и тому же этажу, а вот выше эта логика действовать переставала. Например, на шестом этаже слева от лифта начинались кабинеты с нумерацией 600, но стоило повернуть направо и подняться всего на несколько ступенек, как перед глазами появлялись двери с табличками 800. Посетитель, искавший, например, 636 комнату, естественно, разворачивался и шел обратно, но, пройдя весь шестой этаж, не находил нужного кабинета и возвращался к лифтам. В некотором недоумении он пробовал спускаться на пролет ниже и попадал в небольшой коридор без окон – двери отсчитывали 701, 702, 703. Что ж такое, спустился с шестого, а попал на седьмой!? Он возвращался на шестой и замечал узкую лестницу, ведущую наверх. Маленькая лестница сбоку от лифтов, на стыке шестисотой и восьмисотой нумерации вела в надстроенный «лужковский» этаж. Замученный уже посетитель, только что побывавший на седьмом этаже под шестым, поднимался по лестнице выше восьмого и снова оказывался на седьмом!

– Да это просто чертовщина какая-то!? Что здесь творится!?

Посетитель спускался вниз и пытался уже с пристрастием расспросить кого-то, чтобы найти нужный кабинет, и часто натывался на журналистов, сидящих на подоконниках напротив пресс-центра. Очень часто искали именно 636 комнату, небольшой зал мест на пятьдесят, в котором проводились совещания с участием чиновников, редко бывающих в мэрии. Когда страдалу, наконец, объясняли, куда идти, его сознание запутывалось окончательно, потому

что шестой этаж ему предстояло обнаружить под седьмым этажом, который был под шестым рядом с восьмым, который в свою очередь находился снова под седьмым. Это «безумие» объяснялось тем, что в старой части мэрии, даже после сталинской надстройки, было шесть этажей, а в советской – восемь, но после надстройки лужковского периода – семь и девять соответственно. При этом потолки в царской части были заметно выше, чем в советском Моссовете, и в этой разнице прятались целых два этажа, которые придавали такую загадочность властным коридорам.

Еще хуже было, когда комнату на шестом этаже после всех расспросов и мытарств так и не удавалось найти просто потому, что она находилась совсем в другом здании...

Не все знают, но Красный дом – это только одно из пяти зданий, которые и составляют общий комплекс мэрии на Тверской. Кроме известного всем дома номер 13 в него входят и совсем маленький трехэтажный особнячок, на один этаж надстроенный при Лужкове, два безликих здания поздней советской эпохи, облицованные ракушечником, и стеклянная башня-карандаш, заточенная крыша которой виднеется за Красным домом. Переместиться между зданиями можно и не выходя на улицу, но, чтобы найти надземный переход в стеклянную башню и подземный во все остальные корпуса, надо очень постараться. Не подозревая, что московская мэрия на Тверской – это не только Красный дом, многие просители, среди которых и знаменитости, блуждали в центральном здании в поисках нужных кабинетов, не предполагая, что их там нет в принципе. Они ходили по этажам, обалдевая от сумасшедшей нумерации (если здесь так, что же творится в других местах), а потом, после расспросов, долго искали переходы, упираясь в глухие коридоры и тупики.

В мэрии блуждали совсем разные люди – от мелких чиновников, вызванных на доклад к начальству, до известных всей стране персон. Аркадий помнил, как они вместе с приятелем рассказывали Ростроповичу с Вишневецкой, случайно оказавшись с ними в одном лифте, как лучше попасть в Белый зал. Знаменитости из числа творческой интеллигенции в лужковской мэрии появлялись часто. В коридорах можно было встретить Иосифа Кобзона, Сергея Михалкова, Аллу Пугачеву, Олега Табакова, Марка Захарова, Александра Калягина, Александра Градского... У Юрия Михайловича вообще было особое отношение к творческим людям...

Как во многих больших комплексах, и в московской мэрии существует почти вся инфраструктура, позволяющая работникам экономить свое свободное время. В течение рабочего дня здесь можно сдать одежду в химчистку, починить обувь, отправить бандероль, купить билеты на самолет и поезд, выбрать лекарство и, конечно, поесть. Одно из зданий мэрии почти полностью отдано под индустрию общепита. В нем две столовые, несколько буфетов, магазины, в которых можно купить себе на ужин почти все – от колбасы и коньяка до икры и конфет.

Тут же находится и совсем небольшое, всего мест на тридцать пять, уютное кафе, в котором в лужковскую эпоху любили пообедать с рюмочкой начальники среднего звена, например, руководитель протокольного отдела, начальник отдела писем и другие уважающие себя чиновники. Обедать в общей столовой эти люди считали ниже своего достоинства, а чиновничий график позволял перекусить не торопясь, с аппетитом. В буфете эту компанию, насчитывавшую в разное время человек восемь-десять, уже знали, специально для них сдвигали вместе несколько столов и резервировали к определенному времени.

Получалось, что поесть в мэрии можно было по-разному: в столовых и буфетах «для всех», в уютном кафе для тех, «кто знает», и в закрытой столовой для руководителей города, в которой они обедали, почти не отходя от своих кабинетов.

* * *

– А вы сегодня пиво решили пить? – Алексей выпил рюмку коньяка и укоризненно посмотрел на своих приятелей.

– Это мы разминаемся, целый вечер еще впереди, – Игорь сделал несколько глотков и поставил кружку на стол.

– Хуже нет, чем мешать, – Алексей кинул в рот лимонную дольку.

– Надо же! И это говорит любитель подливать себе водку в пиво, – Николаич откинулся на спинку стула.

– Когда это было!

Кабинетная жизнь

В чиновничьем мире почти все подчинено законам иерархии, и обойти эти правила не могут ни сами чиновники, ни их улыбки и мимика, ни их водители и секретарши, и даже чиновничьи кабинеты вовлечены в эту игру власти.

Кабинеты московских чиновников, включая и кабинет Лужкова, на самом деле не отличались какими-то роскошными излишествами и были все примерно в одном стиле. Высокие потолки с лепниной по периметру и вокруг массивных люстр, деревянные настенные панели коричневатых тонов на высоту человеческого роста, стены «теплых» оттенков, в тон им современная добротная мебель под классику, двойные (для хорошей звукоизоляции) двери, отделявшие кузницу чиновничьих распоряжений от внешнего мира... На полу паркет и ковры.

На ближайших подступах перед кабинетами держали оборону просторные приемные, в том же стиле, но попроще, где доступ к первому лицу фильтровали секретарша, разнообразные помощники, а в некоторых случаях и охрана. В глубине кабинетов, за неприметными дверями прятались комнаты отдыха, где чиновники могли отвлечься от суеты городской жизни или просто подремать между деловыми встречами.

Кабинет Лужкова принципиально от кабинетов его заместителей не отличался, хотя, следуя законам иерархии, был заметно больше других. Кроме того, «первый» кабинет окружала VIP-зона, а фильтрация посторонних начиналась еще на дальних подступах. С двух сторон к кабинету можно было пройти только через милицейские посты. Внутри этой особой зоны находились старый зал заседания правительства, оперативное управление, которое напрямую докладывало мэру о чрезвычайных событиях в городе, и кабинет одного из первых замов.

Перед самой приемной главного кабинета стоял еще один милицейский пост, а в самой приемной всегда была охрана в штатском. Приемная, если Лужков был на месте, жила бурной жизнью: помощники, исключительно мужчины, гости, телохранители, некоторые из которых со временем стали для Юрия Михайловича ближе всяких советников.

Было у «первого» кабинета и еще несколько особенностей, скрытых от посторонних глаз. Рядом с приемной между этажами двигался персональный лифт, доступ к которому имели только избранные. Прокатиться на нем можно было с помощью специального ключа, которым обладали всего несколько человек во всей мэрии. Из самого кабинета можно было попасть в библиотеку, где Лужков принимал близких друзей, иногда давал телевизионные интервью. Побеседовать с мэром среди фолиантов считалось знаком особого доверия. Тайные, еще генерал-губернаторские, коридоры вели из кабинета в закрытую столовую и торжественные залы, где принимали официальные делегации.

Сам главный кабинет мэрии был очень вытянутым. Если войти в него со стороны приемной, то в глаза сразу бросался огромный длинный стол для совещаний, перпендикулярно которому у дальней стены стоял рабочий стол Лужкова. На стенах несколько гравюр старой Москвы, на столе Лужкова большой глобус.

Рейтинг кабинетов зависел не только от размеров, но и от близости к самому главному из них. В VIP-зоне пятого этажа, кроме кабинета Лужкова, был еще только кабинет его первого заместителя по городскому хозяйству. Его занимал Борис Никольский, долгие годы действительно являвшийся первым человеком после мэра. Неслучайно, что именно его кабинет оказался ближе всего к градоначальнику. Со временем личности людей, сменивших Бориса Васильевича, мельчали и уже не имели такого влияния на жизнь города, но расположение кабинета первого заместителя мэра по городскому хозяйству оставалось неизменным до самой отставки Лужкова.

Вообще, фигура Никольского была особенной. Высокий, широкоплечий, с большой головой, седыми волосами, с немного неуклюжей походкой – он был неуловимо похож на Бориса Ельцина.

Каждый будний день в девять часов утра Никольский проводил у себя в кабинете селекторное совещание с городскими службами. Человек пятнадцать сидело прямо за столом в кабинете, а остальные докладывали по громкой связи из разных концов города о том, сколько газа сожгли за сутки на освещение и отопление мегаполиса, сколько вывезли снега, где прорвало водопровод...

Прессу на эти внутренние совещания не допускали, за исключением агентства, в котором работал Аркадий. И заботливый начальник решил обкатать своего нового сотрудника, доверив ему канализационные трубы и мусорные свалки. Для молодого журналиста это было настоящее испытание. Селектор начинался ровно в девять. Опоздать нельзя было ни на секунду, потому что двери кабинета закрывались, и тогда прорваться было уже невозможно. Привыкший к свободному графику Аркадий, до этого не придававший значения минутному опозданию, высказывал как ошпаренный из метро «Охотный ряд», смотрел на уличные часы, которые показывали уже без семи девять, и в ужасе несясь вверх по Тверской, чтобы не опоздать. Переходя с быстрого шага на бег и обратно, весь потный от стремительного движения и страха не успеть, он сворачивал за угол Красного дома и вбегал во второй служебный подъезд. И тут его ждало новое испытание: в холле перед гардеробом к двум лифтам выстраивалась целая очередь из спешащих на работу чиновников, простоять в которой можно было минут десять. Аркадий сбрасывал в гардеробе куртку и пешком, из последних сил мчался по широким лестничным пролетам на пятый этаж, где у подоконника его уже караулил бдительный руководитель.

Ворвавшись с «последним звонком» в кабинет, он плюхался на стул в дальнем конце стола под пальмой и несколько минут приходил в себя. Побегав так около месяца, Аркадий на всю жизнь научился рассчитывать время, решив для себя, что лучше на пятнадцать минут раньше проснуться, чем нестись всю дорогу, высунув язык.

Но иногда кабинеты оказывали на впервые попавших в них людей просто какое-то магическое, разжижающее мозг и волю действие. После того, как Аркадий глубоко прочувствовал канализационную тему, ему решили выделить сменщика по летучкам – недавно принятого на работу корреспондента Сергея. Перед тем, как отправить его на первый селектор в кабинет Никольского, Леонид подробно наставлял нового сотрудника:

– Заходишь тихо, садишься у дальнего края стола. Вопросов никаких не задаешь, если что непонятно – ловишь чиновника после совещания и выпрашиваешь. И смотри, не вздумай опаздывать, а то Аркадий пытался тут одно время...

Запуганный новичок, ссутулившись, чтобы инстинктивно сократить свой большой рост, вкрался в кабинет вслед за чиновниками, и двери за ним закрылись. А руководитель остался сторожить на подоконнике. Минут через сорок селектор закончился, и начальники стали разбегаться по этажам. Проходя мимо Леонида, с которым были знакомы, многие странно на него посматривали, а двое даже бросили вскользь:

– Ну, твои сотрудники и дают...

Обеспокоенный возможной подставой, гипертрофированно мнительный Леонид забеспокоился и взял под руку одного из чиновников. В разговоре с ним выяснилось, что Сергей еще не успел дойти до края стола, как Никольский, уже подсевший к микрофону, зычным голосом объявил:

– Так, время девять. Начинаем наш селектор.

Сережа метнулся к свободному стулу под взглядами бюрократов, рассматривавших незнакомого высокого парня, и вдруг сел рядом со столом прямо на ковер, облокотившись спиной на теплый «экран» батареи. На колени он положил черную сумку на нее блокнот и приготовился записывать. Сергей, стремившийся таким образом максимально замаскироваться, на

самом деле только привлек к себе лишнее внимание. Получалась, что в кабинет вошел никому не известный юноша, предположительно журналист, и зачем-то спрятался за столом под пальмой. Один из чиновников встретился с ним глазами и показал на свободный стул. Сергей замотал головой, что означало – нет-нет, не надо, я здесь тихонько посижу...

Минут пять упрямый корреспондент сопротивлялся, виновато улыбался и отмахивался, но потом несколько человек разом шикнули на него, и Сергей легализовался за столом. Никольский этого или не заметил, или не захотел прерывать селектор.

Несколько важных кабинетов размером и «рангом» поменьше разместились на шестом этаже. Часто распределение кабинетов не зависело напрямую от должности, а говорило на бюрократическом эзоповом языке о приближенности чиновника к мэру. Например, министр науки и промышленной политики Москвы Евгений Алексеевич Пантелеев не был даже заместителем мэра, но кабинет на Тверской имел. Правда, он был личным другом и постоянным партнером Юрия Михайловича по теннису.

Таких близких друзей у Лужкова в правительстве было немного, но все знали, что эти люди неприкосновенны.

Всякий кабинет большого начальника имеет две особенности: простой человек, впервые попавший в него, невольно робеет, а каждый новый хозяин хочет сделать в нем ремонт, даже если кабинет в полном порядке. И московская мэрия в этом отношении не исключение. Первый феномен Аркадий испытал на себе, а второй часто наблюдал при смене чиновников. Новый начальник, въезжая в кабинет своего предшественника обязательно делал ремонт и часто не ограничивался «косметикой»: вслед за покраской стен менялись люстры, ковры, шторы, мебель.

Но не все сподвижники Лужкова стремились переехать поближе к Юрию Михайловичу. Например, Владимир Иосифович Ресин вместо личного кабинета на Тверской 13 предпочитал иметь собственный служебный дом. Здание стройкомплекса, которым руководил Владимир Иосифович, находилось в Никитском переулке, совсем недалеко от мэрии, зато ближе к Кремлю. После того, как в Москве исчезла должность вице-мэра, освободившийся в мэрии кабинет передали Ресину, но Владимир Иосифович бывал в нем редко, по-прежнему предпочитая привычное здание в Никитском переулке.

Вполне устраивало собственное здание на Тверской 19 и бессменного руководителя департамента потребительского рынка и услуг столицы Владимира Ивановича Малышкова, еще одного друга Юрия Михайловича.

Кабинет единственного в истории Москвы вице-мэра Валерия Павлиновича Шанцева находился на одном этаже с кабинетом Лужкова, но совершенно в противоположном конце. И в свое время это расположение стало очень символичным.

* * *

Оживление, возникшее между Аркадием и его приятелями, когда к их столу приблизились три совершенно разные, но все по-своему очаровательные девушки, переросло в радостную встречу, объятия и поцелуи. Одна из этих молодых женщин поздоровалась с Аркадием чуть нежнее, чем с другими: ее губы задержались на его небритой щеке дольше положенного.

– Сколько мы с тобой не виделись, а ты все так же не бреешься...

– Я же нравился тебе небритым.

– Ну, когда это было!

Алексей уже подзывал официанта, а Игорь делал вид, что сердится:

– А что опаздываем? Вовремя никак прийти нельзя?

– Ой, Николаич, кончай занудствовать, – Яна достала мобильник из сумочки и положила на стол. Она была самой деловой из всех.

– Да это меня ждали, – сказала ее подружка, которая села рядом с Аркадием. – Мой начальник прессуху давал, и мне пришлось задержаться...

«Мебель» для пресс-конференций

Пресс-конференции бывают интересными и скучными, иногда скандальными, вообще разными. Аркадий помнил, например, одну совсем странную пресс-конференцию в своем агентстве, в организации которой он принимал участие. Ее тема не была сенсационной, но и провальной не казалась – обычное проходное мероприятие. Тем не менее, для него тоже была заготовлена «мебель».

«Мебель» присутствует на некоторых прессуках, не собирающих аншлага. Основа этого передвижного сообщества – секретари, работники канцелярии и кадрового отдела, свободные от срочных дел корреспонденты и редакторы, которые занимают в зале свободные места и создают для гостей видимость широкой заинтересованной аудитории. Иногда эти люди даже задают вопросы и являются полноценной частью спектакля под названием пресс-конференция, наряду с гостями, ведущим, телекамерами и журналистами. Опытный администратор рассказывает «мебель» точно, чтобы эта группа совершенно незаинтересованных темой встречи людей не бросалась в глаза. Аркадий сам не раз был и в роли «мебели», и в роли «мебельщика». Такие подсадные утки составляют обычно не больше двадцати пяти – тридцати процентов от реальных журналистов.

И в этот раз «свои» люди уже заняли места в зале, а гостя – руководитель одного из комитетов московского правительства – пила чай с ведущим в соседней комнате. Время уже вышло, но ведущий, не прекращая беседы и одновременно нервно читая смски, все подливал чай и подкладывал конфеты чиновнице: ему сообщали, что в зале, кроме «мебели», был только один реальный журналист. Для серьезных изданий это очень неприятный конфуз, просто провал.

Журналистов прождали еще минут двадцать, но никто так и не появился. В результате был срочно придуман «новый формат»: ведущий с гостьей продолжили пить чай, пригласив присоединиться к ним единственную журналистку и всю «мебель» – пять собственных сотрудников, которые в течение часа поддерживали беседу на тему заявленной пресс-конференции...

Но самая удивительная пресс-конференция, на которой пришлось побывать Аркадию, произошла в другой раз.

– Завтра у тебя ответственное мероприятие: Малышков дает пресс-конференцию о поддержке ветеранов и пенсионеров, надо будет подробно отразить, – начальник опять был чем-то недоволен.

– Хорошо, отразим, – согласился Аркадий.

Ехать пришлось далеко. Общественный центр, в котором было назначено мероприятие, располагался на периферии. Минут за пятнадцать до начала в холле собралась группа журналистов, которых встретила администратор:

– Сейчас Владимир Иванович официально откроет благотворительный обед, скажет вступительное слово, камеры должны все поднять, а потом мы перейдем в другое помещение, где и пройдет пресс-конференция. Там вы сможете задать все интересующие вас вопросы, – сказала девушка в строгом деловом костюме.

В длинной зале с высокими потолками и большими окнами были накрыты столы (мясная и рыбная нарезки, салаты, водка, вино), за которыми сидели пожилые люди. Они ждали, когда им скажут красивые слова и предложат поесть. Слова были сказаны, отсняты и записаны, раздались аплодисменты, о тарелки зазвенели ножи и вилки.

– Коллеги, здесь у нас все. Проходите, пожалуйста, за мной, я провожу вас на пресс-конференцию, – все та же девушка улыбнулась и повела журналистов по коридорам.

Сделав несколько поворотов, она остановилась перед высокими дверями, подождала, пока подойдут отставшие, и распахнула створки:

– Прошу вас, проходите. Владимир Иванович подойдет буквально через пять минут.

Журналисты, люди, привыкшие ко многому, начали заходить в зал, но вошедшие первыми что-то замешкались и создали в дверях затор:

– Наверное, зал перепутали, – раздалось сразу несколько голосов.

Все недовольно зашумели, особенно телевизионщики, утяжеленные камерами и громоздкими штативами.

– Нет, коллеги, все правильно! – успокоила администратор. – Рассаживайтесь, где вам удобно, сейчас уже будем начинать.

Сомнения некоторых журналистов стали понятны, когда вошли все: в большом квадратном зале стоял буквой «П», как на свадьбах, накрытый человек на тридцать стол, уставленный закусками и бутылками со спиртным. Фуршеты после разных мероприятий, в том числе и для прессы, совсем не редкость, многие организаторы даже специально заманивают журналистов таким образом. Так проходят иногда пресс-завтраки или брифинги для «своих», организованные крупными компаниями. Но большая, широко анонсированная пресс-конференция в разгар рабочего дня в таком формате была непривычна.

Удивленно переглядываясь, все расселись, достали блокноты, а между ног буквы «П» установили направленные в президиум телекамеры. Через пару минут появился и Владимир Иванович, сел в центре стола.

– Добрый день, друзья! Разрешите, я буду сидя? Спасибо! Тем более, что пресс-конференция у нас сегодня не совсем обычная. Вы не стесняйтесь, я считаю, такая обстановка позволит нам пообщаться в более свободной, доверительной, что ли, атмосфере.

Владимир Иванович решил вести пресс-конференцию сам, без всяких пресс-секретарей и помощников.

– Я думаю, сначала мы поднимем тост за наших ветеранов, а потом уже перейдем к вашим вопросам, – Владимир Иванович встал. – Молодые люди, поухаживайте за девушками, наполните их бокалы. Здоровья ветеранам и долгих лет жизни!

Первый тост прошел как-то застенчиво. «Оригинально, – подумал Аркадий, – и перед начальством можно легко оправдаться: министр почти заставил выпить, что ж делать...»

Опрокинув стопку водки, Владимир Иванович откашлялся и сел:

– Ну, что же, прошу. Задавайте свои вопросы. Я готов.

После небольшой паузы какая-то девушка решила спросить:

– Поскольку тема нашей сегодняшней пресс-конференции – социальная поддержка москвичей...

– Да, именно так, – подтвердил министр.

– ...расскажите, пожалуйста, как московское правительство намерено поддерживать ветеранов, инвалидов и пенсионеров?

– Хороший вопрос, спасибо за него! Действительно, правительство Москвы и лично мэр нашего города Юрий Михайлович Лужков уделяют большое внимание поддержке малообеспеченных горожан. Ни для кого не секрет, что в сегодняшних условиях...

– Восемь лет уже работаю, но такого еще не видел, – сказал вполголоса сидевший рядом с Аркадием телеоператор с одного из городских каналов. – Давай выпьем еще, пока не отняли, – и он взялся за бутылку водки.

– Давай, – согласился Аркадий, – не очень часто так работать приходится.

– Это точно, – и оператор налил водки Аркадию, себе и своему звукооператору, совсем молодому парнишке лет двадцати, который все отнекивался, говорил, что ему хватит.

– Да ладно, – урезонил его оператор, – привыкай уже к нашей непростой работе. Ты, главное, закусывай.

Тихонько чокнулись. Выпили.

– ...именно поэтому правительство города и старается сделать все возможное, чтобы даже в сегодняшних сложных условиях наши пожилые москвичи имели право на достойную старость, – Владимир Иванович завершил ответ, машинально переставил на столе пустую рюмку.

Несколько человек из наиболее преданных городских СМИ зааплодировали.

– Еще вопросы? – Малышков обвел глазами зал, выждал паузу.

Все молчали.

– Ну, значит, что все понятно, и это хорошо. Я предлагаю тост за столицу нашей Родины, город-герой Москву! – провозгласил Владимир Иванович, сам себе налил водки и снова встал.

Вслед за ним задвигали стульями и поднялись все остальные.

– А теперь, – Владимир Иванович, присев на место, взял вилку, потянулся к закуске, – можно обменяться мнениями.

Высокие двери, через которые все входили, распахнулись, и через них в зал хлынула разноцветная, размахивающая руками и ногами, шелковыми тканями рукавов и юбок, что-то одновременно поющая и кричащая толпа цыган. Это было так неожиданно, ярко и бурно, что все просто опешили, а операторы, трепетно относящиеся к своим телекамерам, еле успели оттащить их в сторону от бренчащих гитар и звенящих бубнов.

– Вот это да! – выдохнул сосед Аркадия, усевшись на свой стул после того, как спрятал камеру и штатив под стол.

А пресс-конференцию было уже не остановить.

– Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна! – пели лубочные цыгане...

– А все-таки, почему от тебя не было ни одной новости с мероприятия? – начальник подозрительно смотрел на своего журналиста, добравшегося в офис только под вечер. – Да ты еще и пьяный!

– Я ведь уже объяснял, пришлось выпить за правительство Москвы... – вяло отвечал Аркадий.

– Как можно выпить прямо на пресс-конференции, да еще до такого состояния, что цыгане привиделись! Иди, проспись, завтра с тобой будем разбираться.

* * *

– А поедем потом в караоке!? – голову Алексея уже одурманил первый хмель, и он, подливая в бокал Яне красного вина, строил планы на продолжение вечера. – Янка, а почему ты совсем не пьешь?

– Да подожди ты со своим караоке! Только сели!

Скрытые таланты

Цыганщина эта не была случайностью. Владимир Иванович и сам прекрасно играл на пианино, с удовольствием «разрывал» меха баяна, сочинял стихи и декламировал их на закрытых и полузакрытых вечеринках. Московский министр сочинил даже целый детский мюзикл «Бай-бай, Храпелкин» и его продолжение «Бай-бай, Храпелкин-2», которые несколько лет показывали в одном из столичных театров.

В своей музыкальности Малышков был не одинок – попеть песен любили и другие городские начальники. Иногда брал в руки гитару Юрий Росляк, много лет управлявший всей экономикой города, и глубоким низким голосом исполнял романсы под собственный аккомпанемент.

Но самым публичным исполнителем был близкий друг Владимира Ивановича Юрий Михайлович, с которым они дружили семьями и даже вместе отдыхали. Как пел Лужков – слышали многие. Не обладая ни слухом, ни поставленным голосом, Юрий Михайлович, тем не менее, не стеснялся публично петь на многих мероприятиях. В его официальном репертуаре были и гимн Москвы, и газмановская «Москва, златые купола» и «Подмосковные вечера». Не очень чистое пение столичного градоначальника не всегда бросалось в глаза, потому что один Юрий Михайлович пел редко, понимая, наверное, что не имеет профессиональных вокальных данных. Рядом с ним пели Иосиф Кобзон, Олег Газманов, другие артисты, а иногда и московские чиновники, которых мэр взмахом руки приглашал к хоровому пению.

Поздравляя ветеранов с очередной годовщиной победы, Лужков мог спеть знаменитый «День победы», а открывая ярмарку меда, с удовольствием выкрикивал частушки.

На одной из медовых ярмарок, которая открывалась в МВО «Манеж», Лужков разошелся так, что пустился в пляс вместе с артистами, соревнуясь с дородной, румяной, в красочном народном костюме солисткой в исполнении эротических частушек. Отплясав несколько фигур, они по очереди выходили к микрофону и пели короткие частушки, после чего отступали в глубь маленькой сцены, уступая место конкуренту. Услышав голос мэра, поющего частушки, к сцене сбежались пасечники и посетители выставки:

– Во дает Лужок! – слышалось с разных сторон.

Профессиональная артистка и мэр спели уже по несколько частушек на грани фривольности, но Юрий Михайлович не сдавался и снова возвращался к микрофону, чтобы выдать очередное четверостишие. Пораженные люди у сцены смеялись, аплодировали и фотографировали удивительное зрелище, которое продолжалось минут десять. И это была полная импровизация, никаких заранее заготовленных пиаровских ходов – просто у мэра в этот день было хорошее настроение.

Перед очередными выборами в Госдуму Иосиф Кобзон уговорил Лужкова слетать в свой избирательный округ. Тогда в России было три Бурятии – все самостоятельные субъекты РФ, со своими губернаторами, министрами, бюджетами. От Агинского Бурятского автономного округа депутатом Государственной Думы избирался Иосиф Давыдович. Все население этой российской провинции, от которой было рукой подать до монгольской границы, составляло около семидесяти тысяч человек, а количество избирателей было почти вдвое меньше. Затеянный край, до которого от Читы нужно было несколько часов добираться на автомобилях, населяли очень простые, доверчивые люди, которые всему удивлялись как дети. Когда мимо них проходили столичные знаменитости, они смотрели на них как на божества, улыбались и старались дотронуться рукой до их одежды.

Несмотря на третье тысячелетие, люди эти жили настолько первобытно, что до появления в их краю Кобзона даже в главном правительственном здании столицы округа, поселке Агин-

ское, не было санузла. Чтобы справить нужду, надо было выйти во двор, где стояли деревянные будки выгребных туалетов с дырками вместо унитазов. Московская делегация была поражена.

Наверное, чтобы стать депутатом от такого малочисленного и добродушного края, Кобзону было достаточно просто дать там один концерт, но с его избранием жизнь в округе стала меняться, а для местного населения перемены эти были просто грандиозными. Окружную администрацию реконструировали и организовали там современный туалет, построили небольшую, но уютную гостиницу, где в очень демократичных условиях останавливался и сам певец, и Лужков, и все сопровождающие их в поездках лица, включая журналистов и охранников. Номеров было мало, и делегацию уплотнили по половому признаку: в каждую комнату заселили по три-четыре человека, отдельные номера достались только VIP-персонам. Отельный был настолько скромным, что во многих номерах не было даже удобств, умываться приходилось в общем туалете на этаже. Проходя по коридору с зубной щеткой в руках, можно было встретить выходящего из своей комнаты в халате заспанного Кобзона:

– Здравствуйте, Иосиф Давыдович, – говорили журналисты.

– Привет! Как спали?

После подписания каких-то формальных документов о сотрудничестве двух субъектов федерации и посещения шоу на маленьком местном стадионе, в котором показали театрализованную историю бурятского народа, состоялся прием по случаю визита московской делегации. За столами было человек сто – местная элита и столичные гости. Уже отзвучали традиционные приветствия, тосты за гостей и за хозяев, обязательное троекратное «ура!» за московского мэра и за местного губернатора, и возникла небольшая пауза, а разговоры за столом разделились. Через некоторое время Лужков вытер губы салфеткой и повернулся к Кобзону:

– Иосиф!

Кобзон вопросительно посмотрел на Лужкова. Разговоры почти стихли.

– А давай споем!?

Они встали и прошли к роялю, который стоял здесь же в углу. Аккомпаниатор Кобзона сел за клавиши. Этот порыв для большинства был совершенно неожиданным, люди перестали есть, повисла тишина.

– А что будем петь, Юрий Михайлович? – спросил Кобзон.

Аркадий никогда не слышал, чтобы на людях близкий друг Лужкова называл его просто по имени.

– Давай что-нибудь украинское. Ты же у нас с Украины.

Они посоветовались еще, и Кобзон шепнул что-то аккомпаниатору.

Мэр и депутат пели вдвоем больше часа, стоя у рояля. Они исполняли лирические песни, а подвыпивший зал, постепенно пришедший в себя после неожиданного продолжения ужина, подпевал им все смелее и громче. Создалась удивительная, совершенно не чиновничья атмосфера, как будто разные люди просто пришли на концерт.

Один из пологих холмов вокруг поселка Агинское был разбит на несколько сотен участков, на которых строились частные деревянные дома:

– А что это за дома? – спросил Аркадий у одного из сотрудников местной администрации, когда кортеж московской делегации уже собирался тронуться в обратный путь к Чите.

– А это стараниями Иосифа Давыдовича строят, а потом наши жители получают их в ипотеку, – пояснил тот.

– Понятно...

* * *

На висевшем в кафе большом мониторе начались новости. Сквозь шум застольной жизни ведущий рассказывал подробности про крупный теракт, произошедший за границей. Аркадий отвлекся от общего разговора и прислушался. Полиция и репортеры раскрывали все новые детали случившегося, на экране мелькали пострадавшие и напуганные очевидцы...

Время «Ч»

Очередное смутное время в России на стыке двадцатого и двадцать первого веков в Москве отметились крупнейшими за всю историю города террористическими актами и техногенными катастрофами. Были взорваны жилые дома на улице Гурьянова и на Каширском шоссе, захвачены заложники в Театральном центре на Дубровке, обрушились крыши на спортивно-развлекательном комплексе «Трансвааль-парк» и Басманном рынке.

На всех этих ЧП Лужков был с первых минут и, естественно, получал самую полную и оперативную информацию, а журналистам, чтобы добыть любую подробность, приходилось придумывать самые хитроумные схемы.

О возникновении любой чрезвычайной ситуации, благодаря надежным источникам в правоохранительных органах, репортеры информационных агентств узнавали очень быстро, почти одновременно с мэром. Как только срабатывала система внутреннего оповещения, дежурные корреспонденты должны были моментально сорваться и выехать на место. Это было необходимо, чтобы получать важную для редакции информацию из первых рук, прислушиваясь к трескучим голосам из раций, докладам спасателей, разговорам пожарных, медиков, судебных экспертов.

Для сообщения официальной информации за периметром оцепления места ЧП организовывались импровизированные пресс-площадки, куда время от времени выходили представители властей и рассказывали о ходе расследования, количестве жертв и пострадавших, первых версиях. Здесь собирались десятки телекамер и сотни журналистов из разных стран мира, и в течение всего времени ликвидации последствий эта профессиональная тусовка жила своей самостоятельной жизнью. Но, несмотря на свою активность и профессионализм, самой оперативной информацией это сообщество не владело.

Полученные от высокопоставленных чиновников данные были очень важны, но часто они оставались неполными и запаздывали по времени. А когда случается серьезная чрезвычайная ситуация, каждая новая цифра, каждая деталь разлетается по всем средствам массовой информации за считанные минуты, поэтому имеет огромное значение. Все это заставляло журналистов отслеживать не только официальные комментарии, но и стараться проникнуть в самый эпицентр трагических событий.

Самой сложной задачей было пройти за оцепление, за которым документов уже никто не спрашивал. Правда, внутри «особой территории», чтобы не вызывать подозрений, приходилось постоянно изображать какую-нибудь деятельность: передвигаться, казаться членом группы каких-то специалистов, обсуждающих оперативную обстановку.

Выезжая на ЧП, коллеги Аркадия, как и он сам, старались одеваться солидно: костюм, галстук, если холодно – куртка, но обязательно расстегнутая так, чтобы галстук был виден. Эти мелочи играли большую роль. Такой простой способ нередко срабатывал, тем более что в оцеплении зачастую стояли совсем еще юные милиционеры или их ровесники из внутренних войск. Для преодоления этой «линии обороны» нужно было только сделать озабоченный целеустремленный вид и энергичной походкой проследовать к месту происшествия, а если кто-то и решится засомневаться в твоих полномочиях – не останавливаясь строго посмотреть и бросить что-нибудь вроде: «Вы что, не видите? Не мешайте работать!»

Но из юнцов оцепление состояло не всегда. Иногда его формировали из тертых, повидавших жизнь мужиков – бойцов ОМОНа, которые могли запросто схватить за руку и потребовать удостоверение почти у любого, и тогда все пропало: однажды засветившись в качестве журналиста – пытаться прорваться в зону чрезвычайной ситуации второй раз было бессмысленно. А это значило, что задание редакции сорвано, работа не сделана.

Но для преодоления омовцев существовал другой способ. Увидев ОМОН, нужно было не спешить, а просто понаблюдать за обстановкой откуда-нибудь издалека. Постепенно к месту ЧП начинали стягиваться самые разнообразные группы: чиновники из мэрии и правоохранители в штатском, представители префектуры и управы, розыска и прокуратуры, строители, энергетики... В каждой группе, как и полагается, был старший, который показывал удостоверение и кивал на остальных: мол, это со мной.

Как только очередная группа начинала выходить из подъехавших машин, нужно было быстро приблизиться, слиться с ней на подходе к оцеплению и вместе со всеми преодолеть оцепление. И почти каждый раз такой способ срабатывал.

Когда 14 февраля 2004 года рухнула крыша аквапарка «Трансвааль-парк», первым на место выехал напарник Аркадия, криминальный журналист по призванию, человек, получавший удовольствие от самого факта проникновения в запретные зоны и владевший этим ремеслом в совершенстве. Он прошел внутрь оцепления по уже описанной схеме и начал передавать информацию. Аркадий должен был сменить его через двенадцать часов. Подъехав в условленное время, он увидел плотное кольцо милиции вокруг бывшего аквапарка. В тех местах, где были оставлены проходы для сотрудников различных служб, дежурили офицеры. Аркадий набрал номер:

– Я уже на месте. Как там у тебя ситуация?

– Привет! Замерз дико и жрать охота, а так – ничего. Всех конкурентов сделал! Ты где стоишь?

– Метрах в пятидесяти от центрального прохода, там еще КамАз МЧСовский рядом.

– А-а, понял. С проходом будет проблема, тут недавно одного журналиста выловили, что в принципе и неплохо для нас, но скандал был жуткий... Охрана злая. Но я уже кое-что придумал, действовать будем так...

Отсчитав пять минут, Аркадий отделился от толпы зевак, которые, несмотря на мороз, наблюдали, как огромные стрелы автокранов аккуратно вытягивают из завала покореженные куски металла, бетона, и открыто направился прямо к проходной. Милиция почти сразу его заметила и уже не выпускала из виду. Одновременно с началом движения Аркадия изнутри режимной территории к охранению приблизился его напарник:

– Здорово, мужики! Зажигалки не будет? А то пальцы отмерзли, уже не гнутся. Свою уронил где-то в завалах, – во рту он держал сигарету, пальцы подрагивали.

К тем, кто уже находился в зоне оцепления, срабатывало инстинктивное доверие: раз прошел – значит имеет право. Ему дали прикурить.

– И сигарета, вот, последняя, – он с удовольствием затянулся, – хорошо еще напарник сейчас должен подойти, сменить, – Аркадию оставалось до проходной метров пятнадцать, – а то совсем уже... А, вот и он! Наконец-то. Где ты ходишь, уже полчаса как должен был приехать!

Аркадий подошел с внешней стороны:

– Да я что-то время не рассчитал. Привет, Андрей! – они поздоровались за руку.

– Ну, пойдем, я тебя в курс дела введу и пойду отсыпаться, – Андрей потянул Аркадия за собой.

– Стойте, стойте! А вы кто, собственно... – засомневался бдительный капитан.

– Товарищ капитан, да мы из префектуры. Дежурим тут по очереди, – они все дальше отходили от кордона.

– Ладно, – махнул рукой офицер.

Отойдя метров на тридцать и завернув за бытовки, они обнялись:

– Сработало!

– Слушай, – Андрей поправил съехавшую на глаза черную вязаную шапочку, – сигареты есть? А то у меня и правда последняя.

– Есть, бери. – Аркадий протянул открытую пачку. – Мне только оставь.

Андрей взял несколько штук:

– Давай я тебе все покажу.

Они вошли в уцелевшую часть здания аквапарка.

– Вон там, видишь, работают судмедэксперты. К ним приносят тела погибших, – говорил Андрей, показывая на огороженное ленточкой место, где человек пять-шесть склонилось над черными полиэтиленовыми мешками. – Выживших, наверное, уже не будет. Даже те, кто сразу не погиб, но оказался под обломками прямо в бассейне, просто вмерзли в лед. Мороз-то какой! Да, пришли люди покушаться, – он вздохнул.

Потом они спустились по лестнице и вышли к месту завала. Вместо песчаного пляжа, на который еще день назад накатывали искусственные волны, и аттракционов, где от страха и удовольствия визжали дети, перед ними открылось, размером почти с футбольное поле, раскуроченное месиво из обломков бетона, металлических конструкций, осколков стекла, керамической плитки. На всем этом пространстве копошились спасатели и солдаты, которые резали арматуру, мелкие обломки грузили в контейнеры, а большие цепляли крюками за тросы кранов, и те уносили их куда-то в сторону, на свободное место.

– А я ведь был здесь на открытии. Тогда Лужков еще приезжал, оркестр играл, – Аркадий передернул плечами. – Ладно, пойдем. Я тебе покажу, где штаб. Там стоит стенд, на котором дежурный МЧС отмечает самую последнюю информацию о погибших, можно туда иногда подходить и тихонько ее считывать. Еще там рация – по ней команды проходят, слышно хорошо. Вон там еще, – Андрей показал рукой влево, – стоит полевая кухня, всех бесплатно кормят и чай дают. Ну, остальное сам знаешь: побольше всяких деталей, сейчас «телики» и радио все «съедят». Жертвы считай и чиновников слушай, если приедут.

Андрей уехал отсыпаться.

Спасатели работали по очереди. Пока одни группы разбирали завалы, другие отдыхали, отогреваясь в автобусах. Иногда работы вдруг замирали: все оставались на своих местах, стараясь не шевелиться, и слушали, не раздастся ли из-под обломков какой-нибудь звук, стон, звонок мобильного телефона. После паузы все опять принимались за дело.

Затеряться среди многочисленных спасателей и представителей других аварийных служб было несложно. Трудности начинались, когда знакомиться с оперативной обстановкой на место ЧП приезжал Лужков. Тут уже надо было действовать по ситуации, и ситуация эта часто диктовалась даже не самим Юрием Михайловичем, а его охраной. Постоянно бывая на мероприятиях с мэром, журналисты из его пула невольно запоминались и парням из охраны. С кем-то устанавливались почти приятельские отношения, частью которых могла быть и кружка пива в баре, а с кем-то контакт никак не срастался. Поэтому многое зависело от того, какая смена будет сопровождать мэра: одни могли улыбнуться и «не заметить», другие наверняка «помогли» бы местной милиции вычислить «нежелательных лиц на особой территории» и проводить их за ограждение.

В этот раз Аркадию повезло, прятаться было не нужно. С мэром приехали хорошие знакомые. Воспользовавшись этим, он втерся в группу лиц, сопровождающих градоначальника, и услышал почти все, что докладывали мэру, и даже его решения. Стоявший за спиной Лужкова его личный телохранитель, который, если что-то вдруг произойдет, должен был прикрыть мэра собой, ткнул напряженно вслушивающегося Аркадия в бок и не злобно процедил сквозь зубы:

– Хватит подслушивать, бездельник. Иди лучше помоги парням завалы разбирать.

После того, как все распоряжения были сделаны, свита мэра направилась к машинам, а «личник», подмигнув замерзшему журналисту, вскочил на переднее сидение машины, когда кортеж уже тронулся.

Аркадий отошел за бытовки, продиктовал несколько новостей и, закулив, вспомнил, как один раз он напугал этого телохранителя, когда они уже неплохо знали друг друга. В перерыве

какого-то совещания в мэрии, которое вел Лужков, охранник этот подошел к Аркадию поздороваться. Они даже обнялись, но охранник тут же отпрянул:

– Что там у тебя?

– Где?

– Под пиджаком, – и он, дернув Аркадия за руку, приподнял полу его пиджака: за спиной, из-под ремня брюк, торчал небольшой блокнот на пружинках.

– На кой черт ты его там носишь!?

– Так просто, удобно. А ты думал – у меня там ствол...

– Посмейся у меня еще!

В зал вошел Лужков, перерыв закончился. Все стали рассаживаться, и охранник, серьезный и злой, отошел. А блокнот под пиджаком носить было очень удобно на полузакрытых мероприятиях, где приходилось, не выдавая в себе журналиста, сливаться с «костюмированной» толпой чиновников. Блокнот в руке сразу указал бы на чужого. Когда же все рассаживались, можно было легко и незаметно извлечь свое орудие труда.

Приехав в очередной раз менять своего напарника, Аркадий заметил, что Андрей не выглядит слишком усталым и замерзшим.

– Ты что такой довольный? – подозрительно спросил Аркадий.

– Я нашел, где можно греться, и даже поспал несколько часиков, – он состроил хитрую победную гримасу.

– Может, тебя и менять не нужно... – съехидничал Аркадий.

– Нужно, нужно, – Андрей весело похлопал своего сменщика по плечу, – пойдем, я тебя кое с кем познакомлю.

Они подошли к надувной полевой палатке, возле которой, постоянно подкачивая воздух в пружинистую конструкцию, гудел компрессор. Зашли внутрь. Прямо у входа начинались ряды стульев, а перед ними, в дальнем конце, был стол, за которым сидели два молодых подполковника в форме МЧС, ровесники Андрея с Аркадием, чуть за тридцать. Познакомились.

– Ладно, грейся, мы все понимаем. У вас работа такая. Только, если что, моментально отсюда сваливай, а попадешься начальству – выкручивайся сам. Мы тебя не знаем. Иначе от нашего генерала потом не оберешься.

– Договорились. Спасибо, мужики!

С палаткой дежурить стало намного проще: час-полтора подремать в тепле, потом полчаса походить, узнать, что происходит, и опять к печке. После очередного обхода территории Аркадий устроился в самом дальнем углу, по уши спрятавшись в зимнюю куртку. Иногда заходили МЧСовцы, что-то передать или, наоборот, узнать, бросали на скрюченную фигуру короткий взгляд и сразу теряли интерес.

Очередное дежурство Аркадия подходило к концу: через четыре часа его должен был сменить Андрей. Его смена, скорее всего, должна была стать последней – разборка завалов завершалась. Аркадий мирно дремал в своем углу, когда в палатку ворвался генерал Елисеев, начальник МЧС Москвы. Дежурные офицеры были расслаблены, генерала никто не ждал, но по его виду сразу стало понятно – что-то случилось, и сейчас все не только узнают это, но за это же и получают. Пройдя несколько шагов к столу, генерал боковым зрением заметил фигуру в углу и резко остановился.

– А это еще...

Фигура эта, дремлющий Аркадий, должна была стать первой жертвой генеральского гнева. Офицеры напряглись – вот и лишний повод для разборок. Аркадий почувствовал, что сейчас, в лучшем случае, будет с позором изгнан из теплой палатки, с территории и вообще отовсюду... На реакцию были доли секунды. Не совсем отдавая отчет в своих действиях, журналист вскочил, замер по стойке смирно и заорал:

– Здравия желаю, товарищ генерал!

От такого приветствия гражданского генерал несколько опешил. Он не знал Аркадия, но они пересекались на разных мероприятиях в мэрии, и лицо журналиста было ему знакомо. Знакомое лицо и бравая выправка успокоили: значит, не чужой.

– Хорошо, – генерал махнул рукой в сторону Аркадия и направился к дежурным.

– Вы что тут у меня...

Аркадий не стал ждать продолжения и, несмотря на тяжелую, сковывающую движения зимнюю одежду, ловко пробрался между стульев и выскользнул на морозный воздух. Отошел за палатку, закурил...

* * *

Политические новости на экране сменились спортивными: замелькали футбольные поля, лица игроков и тренеров. Разговор за столом становился все громче. Девушки рассказывали Алексею какую-то смешную историю про него же самого, которую он упорно не хотел вспоминать.

– Да признайся! – почти кричала Яна. – Что ты все выкручиваешься! Все тебе уже говорят!

– Да не разбивал я этот плафон, что вы ко мне пристали!

– Леха, да не спорь, я тоже помню, – поддержал девушек Игорь. – Ты сумкой его задел...

– Как я мог сумкой задеть, когда он выше моей головы висел? – защищался Алексей.

– Вот видишь, видишь! Помнишь про плафон-то! – уцепилась Яна.

– Ты так махал! – смеялся Игорь.

– А зачем я ей махал...

На экране мелькнул большой стадион, и Аркадий, не пытавшийся уличить Алексея в уничтожении плафона, потому что прекрасно знал, от кого тот отмахивался сумкой, вспомнил, как Лужков мечтал стать основателем молодежных олимпийских игр.

Юрий Михайлович всегда тяготел к масштабным проектам и любил спорт. Проведение первых в истории юношеских олимпийских игр должно было привлечь внимание к Москве и, естественно, к ее мэру не только российской, но и мировой общественности. А через несколько лет в стране предстояли президентские выборы, которые могли многое изменить.

Но, несмотря на все старания и поддержку международного олимпийского комитета, который в то время еще возглавлял старый друг Советского Союза (а потом и России) Хуан Антонио Самаранч, олимпийский статус новые соревнования так и не получили. В Москве удалось провести лишь Всемирные юношеские игры, на подготовку которых город потратил огромные усилия и средства.

Креатив

Креативное мышление Юрия Михайловича, вызывавшее немало насмешек, казавшееся многим самодурством или даже признаком старческого маразма, на самом деле было продолжением его артистической натуры, которой тесно было в чиновничьем костюме. И она, эта натура, постоянно выпирала, то в частушках, то в огромной меховой кепке, то в костюме немецкого пивовара на открытии московского фестиваля пива. Этим состоянием души объяснялось и его заботливое, покровительственное отношение к некоторым искусствам и людям, любившим называть себя творческими.

Лужков, не слишком искушенный в искусствах человек, любил окружать себя богемой и, как ему казалось, быть частью ее. В мэрии постоянно можно было видеть просителей от искусства, и очень многим он действительно помогал. Больше всего повезло театру. Он построил «Новую оперу» в саду «Эрмитаж», театр Et Cetera Александра Калягина, дал деньги на новую «Табакерку» и здание для театра Петра Фоменко. Москва поддерживала самые разные театральные фестивали. Десятки небольших, никому не известных театров и театриков кормились из московского бюджета и арендовали дешевые помещения у города. Благодарностям деятелей культуры не было конца, пока Юрий Михайлович оставался всевластным мэром русской столицы.

Помогать и наблюдать со стороны Лужкову со временем показалось мало, ему захотелось самому стать частью этой творческой круговерти. И Юрий Михайлович написал несколько литературных рассказов, которые печатались в крупных газетах и выходили отдельными изданиями. Один из рассказов – «Дед» – посвящен старому пасечнику, в котором знающие люди угадывали и самого мэра. Публиковал Лужков и общественно-политические книжки, правда, их соавторами были его помощники. Но литература редко дает прямой контакт с читателями, а хотелось еще полных залов, энергетики публики. И Юрий Михайлович не очень умело декламировал со сцены чужие шуточные стихи на юбилее «Лейкома», а в зале знаменитые актеры иронически переглядывались и отпускали едкие реплики, не зная, что за ними наблюдают журналисты. Лужков выступал и в театрализованных капустниках на дне рождения МГУ, читая поэму про Ломоносова, а потом вместе с ректором Виктором Садовничим собственноручно разливал студентам хмельную медовуху.

На придуманном Лужковым, но так и не прижившемся московском фестивале пива в Лужниках мэр переодевался в немецкого пивовара и вместе с бургомистром Баварии, символизировавшим собой частичку Октобер-феста, открывал первую бочку пива. А простые люди, не привыкшие к такому образу русского начальника, удивленно переглядывались в толпе: зажигает Лужок!

Тесное общение с богемой имело и другую сторону. Во время предвыборной кампании мэра мнение интеллигенции имело в Москве не последнее значение.

Лужков иногда хотел выпрыгнуть из образа простого парня с рабочей московской окраины, в кепке, без изысканных манер. Своего в доску. Этот образ он придумал сам. Так сложилось, что на волне политического пустословия девяностых людям захотелось хозяйственного, способного решить их бытовые проблемы руководителя. И полноватый, лысоватый, но очень живой и обаятельный Юрий Михайлович удачно вписался в эти ожидания и долгие годы сам поддерживал этот имидж. Во многом он и был таким: мог наорать на подчиненных, откровенно послать, а в итоге продавить и добиться результата. Но душа просила другого...

Конечно, фантазии человека, привыкшего к почти безграничной власти и безропотному одобрению со стороны подчиненных, очень часто принимали гротескные формы, и большинство из них были изначально обречены на провал. Но во всяком случае сам Лужков, Аркадий в

этом не сомневался, по-настоящему верил в свои задумки, искренне ими увлекался. Тратил на них немало денег и времени, заставлял подчиненных воплощать свои идеи в жизнь. Но потом, когда затея не приносила желаемого результата или просто надоедала, Юрий Михайлович мог быстро к ней остыть и находил новое применение своему воображению.

Многие предложения мэра прорастали как раз из его творческой увлеченности и выплескивались за пределы театральных капустников. И в этом смысле Лужковым было легко манипулировать: стоило только подкинуть идею, которая его искренне заинтересует, и все остальное он сделает сам. И этим умело пользовались разные люди, среди которых был известный бизнесмен от архитектуры и личный друг мэра Зураб Константинович Церетели. Установка в Москве его угловатых, тяжеловесных фигур во многом стала возможна благодаря увлеченности Юрия Михайловича, который, позволяя воплотить в жизнь Петра I, сказочные фигуры на Манежной площади и другие изделия Церетели, одновременно чувствовал и себя причастным к «настоящему большому искусству», чего ему всегда хотелось.

Во времена Лужкова Москва вообще стала зарастать памятниками. На площади перед Киевским вокзалом, например, появился памятник «Похищение Европы», в изогнутых трубах которого, даже обладая очень извращенной фантазией, невозможно узнать Зевса в образе быка, похищающего красавицу Европу. На Гоголевском бульваре склон украсили отрезанные лошадиные головы, установленные вокруг сидящего в лодке Шолохова...

Конечно, многие московские чиновники и люди из близкого окружения Лужкова часто понимали всю странность мэрских идей, но оскорбить критикой этот полет фантазии никто не решался. Это была одна из тех тем, затронув которую можно было нанести Юрию Михайловичу личную обиду, которую он никогда не прощал.

В эпоху, когда Лужков пытался возродить отечественный автопром и вкладывал в него многомиллиардные бюджетные инвестиции, на улицах российских городов стали появляться автомобили с удивительными названиями. Из ворот расположенного в Текстильщиках Автозавода имени ленинского комсомола (АЗЛК) вместо традиционных «москвичей» стали выезжать сначала «Святогоры», потом «Князя Владимиры», а позже появился и сам «Иван Калита». Эти исторические и былинные имена для машин придумывал, говорят, сам Юрий Михайлович. И если «Святогор» был автомобилем среднего класса, то «Князь Владимир» претендовал уже на представительское авто, а «Иван Калита» замахивался на лимузин.

Лужков не только всячески поддерживал производство и продажу этих машин, но и проявлял креативную конструкторскую мысль. Чтобы не тратить рабочее время мэра, новинки – от легковых машин до зиловских грузовичков и коммунальной техники – привозили прямо во внутренний, закрытый от посторонних глаз двор Красного дома. И утром, приехав на работу, мэр, не торопясь, осматривал автомобили, ходил вокруг них, трогал руками, залезал в кабину, разговаривал с конструкторами и менеджерами, хвалил или критиковал. Он мог посоветовать изменить форму фар, каких-то других деталей, и к его мнению внимательно прислушивались.

Однажды, сев за руль «москвича» он покрутил «баранку», завел двигатель и вдруг, совершенно неожиданно для всех, в том числе и собственной охраны, тронулся с места, вывернул в сторону арки и выехал из двора мэрии в Вознесенский переулок. Окружающие растерялись, охрана бросилась в джип и рванула вдогонку, но Юрий Михайлович только всех попугал: сделал несколько кругов по стоянке перед мэрией и вернулся обратно.

В один из таких показов, осматривая новые модели «москвичей», Лужков сказал генеральному директору завода Рубену Асатрянцу, которого пригласил поднимать московский автозавод:

– А вы не думали сделать на базе этой модели кабриолет? Мне кажется, у нашей молодежи, которая любит прокатиться с ветерком, такая машина будет популярна.

Присутствовавший при этом разговоре Аркадий подумал о том, как же назовут новый «москвич»? Идея эта сразу показалась странной. Кабриолет сам по себе не является очень уж популярной моделью, тем более в нашей стране, где почти восемь месяцев зима. А уж на базе «москвича»...

Но вокруг Юрия Михайловича сразу же раздались одобряющие голоса, а директор завода заверил:

– Очень хорошая идея, Юрий Михайлович! Мы обязательно подумаем, как ее реализовать.

– Подумайте.

Аркадий был уверен, что москвич-кабриолет останется только на словах, но он ошибся. Уже через несколько месяцев опытный образец приехал своим ходом во двор мэрии и был одобрен мэром, который предположил даже, что именно эта модель может стать народным автомобилем.

Сколько денег ушло на проектирование кабриолета – Аркадий, конечно, не знал, но после того, как была выпущена небольшая опытная партия этих машин, их производство свернулось.

Одно время Лужков очень увлекся новым для России транспортом, аналогов которому в стране еще не было. Диковинный монорельс было решено создавать на оборонном заводе, который делал знаменитые межконтинентальные баллистические ракеты «Тополь». Чтобы поддержать уникальное предприятие на плаву, когда его практически бросили федеральные власти девяностых, город уже помог развернуть на нем производство автомобильных рефрижераторов и ветряных электростанций, а теперь прямо в цехах завода построили маленький участок монорельсовой дороги, по которой вскоре поехали экспериментальные вагоны. Лужков часто приезжал на завод и даже катался на монорельсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.